

Эдуард Геворкян
**ДЕРЕВЯННЫЕ
ОБЛАКА**

Эдуард Геворкян

Деревянные облака

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7756161
Деревянные облака : [сб.] / Эдуард Геворкян. : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083758-8

Аннотация

В сборнике представлены повести и рассказы мэтра отечественной фантастики, выходившие ранее только в журналах и альманахах.

Содержание

Деревянные облака[1]	4
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	28
Глава четвертая	36
Глава пятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Геворкян Эдуард

Деревянные облака

Деревянные облака¹

*Деревянные облака
над морем крови и гноя.
Рвутся кожаные паруса.*

Арнольди, «Пустыня Гесперид»

Ветер, набухший мокрым снегом, полз над болотами, лесами, глухо постанывал в обгоревших стропилах, вырывался на простор и бил липкими снежинками в черные силуэты печей, тщетно пытаясь их заново выбелить.

По серому насту поляны осторожно кралась волчица. Замерла. Нарастал слабый, поначалу еле слышимый звук. Волчица рывком поднялась и, увязая по самое брюхо в снегу, ушла в чашу.

Стук и лязг приблизились, выкатилась платформа с мешками, ее толкал паровоз. За ним несколько вагонов, обшитых стальными листами, и две платформы, крытые брезентом. У переезда паровоз зашипел и окутался паром, сухо грохнули буфера. Из вагонов посыпались солдаты, быстро расчехлили машины под брезентом, откинули борта платформ, придвинули брусья, и по ним, стреляя сизым дымом, грузно развернулись и сползли два танка – черные кресты на белой краске и короткое рыло пушки.

Танки взревели и зашлепали гусеницами по еле видимой колее, за ними двинулась колонна солдат.

Анастасия Захаровна охнула и опустила занавеску.

– Принес нечистый на нашу голову!

Ухватила за кольцо в половице, подняла тяжелую крышку, сдавленным голосом сказала вниз: «Тихо вы там!» Опустила крышку, кинула половик и надвинула скамью. Перевела дыхание и села у окна, слушая рокот гусениц, лай и чужие голоса.

Ближе к вечеру в избу без стука ввалился трезвый и злой Егор Жомов. Прислонил винтовку к столу и попросил воды. Анастасия Захаровна молча смотрела на Жомова.

– Ты, это, не бойся, Настя, – сказал, не дождавшись воды, Егор. – К тебе никого не сунут, я сказал, больная, а они заразы боятся.

– А мне чего бояться? – подала голос Анастасия Захаровна.

– Ладно уж, – махнул рукой Егор. – Я не Чмыхов, душегубства на себя не возьму. Своих-то попрячь, чтоб носа не казали.

– Чего?

¹ Эта повесть должна была выйти в свет в 37-м выпуске сборника «НФ» («Научная фантастика») издательства «Знание» в 1993 году. Однако известные события тех лет остановили выпуск сборников. У меня сохранилась лишь верстка сокращенного варианта, который и предлагается вниманию читателей. Был соблазн переписать, «осовременить» текст, написанный в 1985 году, но мне кажется, что это будет не очень правильно, поскольку может исчезнуть дух времени, а вернее, безвременья, в которое мы были погружены. Исчезнет предчувствие неминуемых перемен, странных и непонятных событий, которые прошли по судьбам моих современников. Читателю судить, верным ли было это решение. – Э. Г.

– Того... А ну, положи топор! – Егор подскочил к старухе и вырвал из рук колун. – Я про твоих квартирантов давно знаю. Хотел бы – тепленькими взял. Ты Чмыхова бойся, а меня не бойся. Мне эта служба – вот! – Провел ладонью по горлу.

– Что же в лес не уйдешь?

– А я дороги не знаю, – подмигнул Егор. – В лесу меня только и ждали. До первой березки доведут и... смерть предателю! С твоими вот жильцами, глядишь, и дойду. Может, поверят, дадут искупить.

– О чем раньше-то думал? – всплеснула руками старуха. – Голова седая, а ума нет! Тебя что, силой в полицию гнали?

– Силой не силой, а без меня Чмыхов вас всех тут...

– И с Чмыхова спросят.

Егор вдруг захихикал.

– Знал бы Чмыхов... Когда его папашу раскулачивали, я у них патефон прибрал. Хороший. Жаль, пружина лопнула.

– Чмыхов-то душегуб, а вот ты – жулик!

– Ну и ладно. Да, вот еще! Немцы утром в лес пойдут, прочесывать. Предупредить бы, а, Настя?

Анастасия Захаровна пожала плечами.

– Они, это, вроде базу засекли. Окружают. Начальник, герр Хевельт, злой, гадюка. И стеклышко в глазу. Чмыхов трепал, будто ночью самолет упал. Может, летчиков уже подобрали, в лесу, или ховаются где-то.

Егор хотел еще что-то сказать, но не решался, выглянул в сени и, подойдя к старухе, жарко зашептал в лицо:

– Ты сведи меня с ними, Настя! Слышь, не бойся! Я хоть сейчас в лес, да кто поверит. А я... вот те крест.

До того жалкими были глаза Егора и так луком от него несло, что не выдержала Анастасия Захаровна и вlepила по небритой щеке. Показала на дверь. Егор лишь покачал головой, хмыкнул «Крепко!» и пошел вон. Через секунду снова возник в избе:

– Так я завтра найду, ты мне верь, без меня худо будет!

И прикрыл дверь, уворачиваясь от летящей картофелины.

– Плохо, Анастасия Захаровна, по всему видать – плохо! – Голос Лыкова глухо в крошечной тьме подпола: – Значит, так! Бери Валю и пацана, и до лесу. У меня две гранаты. С ногой далеко не уползу. Сунутся – встречу. А там видно будет.

Анастасия Захаровна сидела на старых мешках. Она знала, что Лыков сейчас лежит в углу, на холстине, брошенной на сено. Рядом с ним на бочке сидит племянник Женька, а здесь, на мешках, примостилась и греет ей бок Валентина.

Всех до слез жалко. Кузьму Лыкова отряд месяц назад оставил. Нога все не заживает. Два раза из лесу за ним приходили. Он вставал, делал несколько шагов и падал. Доктора бы, да где взять? В отряде доктором был Колька-коновал, сын соседский, да и тот пропал.

Евгений, племянник, перед войной на каникулы приехал, погостить. Как началась проклятая, так от родителей ни слуху, ни духу. Брата Захара дите, поздний ребенок. Нардоваться не могли родители. Женька весь в мать, в Елену Моисеевну. Когда немцы пришли, невеста откуда Чмыхов возник, старостой заделался. Женьку как увидел, обрадовался нехорошо, все приставал, когда, мол, мамка за ним приедет? Анастасия Захаровна его спрятала в подпол. Чмыхов потом ходил, спрашивал, где племянник, шурился и вроде не поверил, что в город ушел. Пару раз наведывался, на миски-ложки смотрел, но в подпол не лазил. А полез бы, ничего и не нашел: хитрый погреб соорудил покойник Михаил, большой был умелец.

И Валентину жаль. Осенью партизаны состав рванули, а немцы, оказалось, другой эшелон пустили. Наших в неметчину угоняли. Народ разбежался, кто до партизан добрел,

кто в лесу пропал, а Валентина ночью к избе Анастасии Захаровны вышла. Ее бабка жалела больше всех – девушка на выданье, а тут света божьего не видит и воздуху разве что из отдушины.

Вот еще и каратели нагрянули. И Жомов, прохиндей, языком чешет.

– Что он насчет летчика трепал? – спросил Лыков.

– Наш самолет, говорит, подбили, в лесу упал.

– А летчик?

– Вроде ищут.

– Может, немцы из-за него?... – подала голос Валентина.

– С танками-то? – сердито буркнул Лыков.

– Базу окружить хотят, – вздохнула старуха.

Лыков засопел. То, что Анастасия Захаровна называла базой, – несколько землянок, наспех вырытых в мокрой глинистой земле прошлой осенью, когда отряд с трудом оторвался от преследования и ушел болотами. Ни радики, ни явок в городе. Хорошо, по дороге взяли грузовик с боеприпасами, воевать есть чем. Облава – ерунда, за единственной грунтовой следят, а уж танки заметят!

– Вот что, – сказал он после раздумья, – если полицай снова придет, ты мне его покажи. Только... – помолчал, – значит, я в соседний погреб переберусь. Полицай туда веди. Посмотрим. Если что, живьем не выпустим.

– У меня нож есть, – раздался ломающийся голос Жени.

– Молодежь может пока помолчать, – сердито ответил Лыков. – Нож есть, а двенадцати еще нет.

Утром Жомов не пришел. Днем тоже. С утра танки просекой уползли в лес. Весь день Анастасия Захаровна настороженно прислушивалась к далекой пальбе, глухим взрывам. А вечером снова заплюхали гусеницы. Позже объявился и Егор.

– Уходить надо, Настя, – сказал с порога. – Хевельт лютует. Он чуть на mine не подорвался. Может деревню спалить.

Анастасия Захаровна долго всматривалась в испуганные глаза полицай, но ничего, кроме страха, не видела в них.

– Вот что, – решила она, – ты выдь, погуляй немного, потом зайди.

Жомов послушно кивнул и вышел.

Старуха кинулась к половицам у печи, замерла, медленно подошла к окну и минут-две вглядывалась в темноту. Вздохнула, отпихнула половику и взялась за кольцо...

– Давно в полицаях?

– Год. Год всего. Вот баба Настя не даст соврать.

Рука Жомова дернулась ко лбу, но повисла в воздухе.

Лыков сидел на скамье, вытянув простреленную ногу. На полицай он не смотрел, спрашивал будто нехотя, время от времени скидывая на него глаза. Тогда Жомов ежился, начинал тараторить, валить все на судьбу, на Чмыхова...

– Раскаялся, значит, как немцев прижали?

– Да я... – Жомов привстал, но под взглядом Кузьмы осекся и севшим голосом сказал: – Что ж, мне теперь прощения нет?

– В лес-то есть дорога, были б только ноги. А то походи в полицаях, свои люди везде нужны.

Жомов перевел дыхание, сглотнул, махнул рукой.

– Не могу. Завтра велено с немцами в Поддубки идти. Карать. Не хочу крови на себя брать. Это Чмыхову все равно. А я не хочу!

– Вот, значит, как, – протянул Лыков. – А что народ погубят, тебя, значит, не касается?

В избе стало тихо. За окном стонал, свистел ветер.

– Шесть верст до Поддубок, – негромко сказала старуха. Лыков посмотрел на нее, перевел взгляд на полицая, тот привстал, но снова сел.

– Часовых понаставили, – сказал он. – Меня и Петра у дальнего колодца Чмыхов определил, за полночь.

– Кто это – Петр?

– Чмыхова прихвостень, – махнул рукой Жомов. – Они вместе сидели. Уголовная харя! Он ведь, гад такой, у меня кисет спер...

– Кхм, – произнес Лыков, и Егор замолчал.

– Пешком не дойдем, не успеем, – сказала Анастасия Захаровна. – Сани нужны. Сани у Савелия есть, у соседа.

– У него и лошадка есть, – вставил Жомов, – на вид дохлятина, а так крепкая.

– Савелий – мужик хороший, но даст ли лошадь? – покачала головой Анастасия Захаровна.

– Даст, – уверенно сказал Жомов. – Куда денется! Лыков вопросительно посмотрел на него.

– Я так думаю, Савелий у себя летчика прячет, – и самодовольно добавил: – Сам догадался! Ни одна душа не знает, а я знаю!

– Ну-ка, ну-ка, – дернулся с места Лыков и зашипел от боли.

– Третьего дня упал, так! Савелий тогда к Чмыхову приходил, в лес отпрашивался, за валежником. Утром. А к полудню вернулся. Я к нему в сарай заглянул, случайно, а валежнику там – смех один! Савелий из избы носу не кажет и старуха его тоже.

– Мало ли что... – начала было Анастасия Захаровна.

– Мало-немало, а лошадку даст. Скоро начнут по избам шарить. Хевельт, собака, злой. Значит, как я в охранение пойду, сразу к Савке надо.

– Помолчи, – оборвал его Лыков, – голоса у тебя пока нет. Затем повернулся к старухе.

– Савелий этот далеко живет?

– Плетень общий.

– Как бы разузнать?

– Схожу, – кивнула Анастасия Захаровна.

– Как же его в лес выпустили? – спросил Лыков.

– Так немцев еще не было! – удивился Жомов. – Они ведь когда приперлись?!

Анастасия Захаровна вышла. Жомов тоже поднялся.

– Идти мне надо, – просительно сказал он. – Чмыхов хватится, Петра пошлет. Я попозже заскочу.

И тихо закрыл за собой дверь.

Лыков сполз на пол и лег, тихо постанывая. Так он лежал недолго, боль постепенно отпускала, он стал подумывать, как бы обратно на лавку влезть. В избу вошла Анастасия Захаровна. Увидев Лыкова на полу, кинулась к нему, ухватила за плечи.

– Порядок, мамаша, – бодро сказал Лыков.

Анастасия Захаровна скинула с себя драную телогрейку, стянула ушанку, подула на озябшие руки и под села к нему.

– Слышь, Кузьма, а ведь летчик и впрямь у Савелия.

Женька, худой долговязый подросток, помогал Лыкову напяливать на ногу разбитый старый валенок. Валентина закуталась в бабкино старье и стояла у двери, прислушиваясь.

– Идет кто-то, – тихо сказала она.

Лыков вытащил револьвер и откинулся к печке. Женя достал из кармана самодельный нож на деревянной ручке и шагнул вперед.

– Брысь! – грозно прошипел Лыков.

Мальчик обиженно дернул плечом и подошел к Валентине. Анастасия Захаровна переглянулась с Лыковым и откинула засов. Ввалился Жомов, весь в снегу, тяжело дыша.

– Чего расселись? Где сани-то? Хватятся меня...

– Не шуми, Егор, – прервала его старуха. – Сейчас летчика Савелий к нам перетащит, а сани к огородам выведет.

– Надо было его сразу в сани класть. Пока его туда-сюда, у Петра терпение лопнет. Летчик ранен, что ли?

– Вроде нет, а в чувство не приходит.

– Контужен, значит, – сказал Лыков.

В сенях хлопнула дверь, донесся сдавленный голос: «Держи, держи». В комнату, пятясь, влез мужчина в залатанной овчине, из сеней послышался тот же голос: «Ну, чего же ты?»

– Вот и Савелий, – сказал Жомов. – Давай, давай, скорее.

– А ты подсоби, указчик! – огрызнулся Савелий.

Жомов подскочил к нему, и они втащили большой закутанный в холстину сверток. С другого конца сверток держала жена Савелия – сгорбленная высохшая баба Клава.

Сверток уложили на большой стол. Савелий осторожно распеленал его. Лыков привстал с места и покачал головой.

Молодой парень. Длинные черные волосы. Глаза закрыты. Странный комбинезон – в обтяжку, блестящий, словно из серого шелка. Бляшки поблескивают. И шлемофон вроде не наш; со всех сторон стеклышки небольшие. На левой руке широченный браслет с металлическими полосами.

– Летчик, говоришь? – с сомнением протянул Лыков.

– Вот и я раскинул, вроде не похож, – закивал дед Савелий. – Говорили, летчик, мол, прыгнул, а никто самолета не видел. Я его у Гнилой балки подобрал. Лежит и бормочет что-то. Меня увидел, сказал только «Ну, вот» и глаза закрыл. С тех пор никак не оклемается.

Лыков кивнул Женьке: «Пособи-ка», – оперся на его плечо и доковылял до стола. К нему подошла Валя, испуганно посмотрела на летчика.

– Ладно, потом разберемся, – сказал Лыков.

– Верно, – подхватил Егор. – Не ровен час, у Петра...

Дверь с грохотом ударила в стену. В проеме вырос солдат, за ним второй. В долгополых шинелях, с автоматами наперевес, они ворвались в комнату, за ними вошел невысокий рябой человек в полушубке с полицейской повязкой и следом офицер.

– Все здесь, герр Хевельт! – ощерился рябой. – Чмыхова провести – это ни-ни! Чмыхов на сто верст измену чует.

Офицер поднял указательный палец, и полицейай замолчал.

Анастасия Захаровна окаменела у окна, а Савелий как присел на скамью, так и остался сидеть, положив руку на топориче.

Лыков стоял, держась за плечо Женьки, а Валентина прижалась к нему, глядя застывшими глазами на солдат.

Хевельт подошел к столу, мельком глянул на лежащего, сказал: «Вундербар», – и засунул пистолет в кобуру.

– Я-то думал, она только щенка прячет, – махнул полицейай стволом винтовки в сторону Анастасии Захаровны, – а тут, выходит, вот оно что! Говорил мне Петро про Жомова...

– Иехх!

Бледнеющий на глазах Жомов, не размахивая, въехал прикладом в подбородок Чмыхова. Чмыхов грохнулся об пол. Дед Савелий привстал, и в тот же миг топор, описав корот-

кую дугу в воздухе, хрястнул о грудь солдата у двери, тот перегнулся пополам и, вогнав короткую очередь в пол, свалился.

Второй успел полоснуть очередью деда Савелия, и тот упал лицом вниз. Жомов выстрелил солдату в живот, а когда немец схватился за рану, полицай выстрелил снова.

Хевельт выдрал из кобуры пистолет, и тут в спину ему бабахнул револьвер Лыкова. Офицер извернулся ужом, вскинул парабеллум, но выстрелить не успел.

Вторую пулю Кузьма всадил ему в лоб. Фуражка, сдвинутая на затылок, отлетела к стене. Хевельт взмахнул руками и упал на спину, оскалившись в зверской улыбке.

Раненый пошевелился на столе, медленно раскрыл глаза, со стоном поднял правую руку и, дотянувшись до браслета, коснулся его.

С громким щелчком, похожим на сухой треск ломающегося льда, в комнате возник и тут же исчез черный шар. Вместе с ним исчезли Лыков, Женька, Валентина и тот, кто лежал на столе – я...

Глава первая

Четырнадцать лет мне исполнилось, когда я вместе с родителями переехал из Алтайской промзоны в Базмашен. Отец тогда работал старшим наладчиком грузовых линий, мать занималась химией гафнийорганики и носилась между институтом и промзоной. Дома мы ее видели с четверга по воскресенье. Утром в понедельник она успевала быстро проинструктировать и перецеловать всех и исчезала под вой и слезы младшей моей сестры. Впрочем, через несколько минут сестра спокойно говорила: «А мамка наша опять усакала», – и шла на первый этаж, в детский комплекс.

Ситуация была простая: отец подписал контракт на два года, работа затянулась, и четыре раза пришлось продлевать контракт. Два года обернулись десятию, школу я закончил в промзоне, а сестра доучивалась в Базмашене. Старшая сестра, Кнарик, жила с матерью в Москве. Повзрослев и слегка разобравшись в делах взрослых, как-то я спросил у отца, не развелись ли мы с ними? Отец молча покрутил пальцем у виска.

– Не помните, сколько было окон у вашего дома в Базмашене? – спросил мужчина в светлой рубашке, рассеянно перебирающий пластинки инфоров.

– Десять – двенадцать... – Я пожал плечами.

* * *

В Базмашене нас ждали бабушкин дом и сама бабушка. Она сразу же принялась хлопотать, окружила плотной заботой.

Потом был большой семейный совет, и меня долго пытали насчет планов на будущее. Будущее для меня было в туманной дымке, сквозь которую проступали всяческие картинки романтического свойства. После того как тесты развеяли дымку, романтики поубавилось. Выяснилось, что к химии склонности у меня никакой, хотя мать к ней подталкивала, напирая на семейные традиции. Мне нравилось возиться с красками, но два спаленных экрана привели к мысли, что живопись не для меня. На математических играх я часто попадал во вторую десятку. Неплохо справлялся с агробионикой во время летних отработок учебного кредита. Но сказать, что мечтаю работать на гидропонных плантациях, не могу. Куда хотелось, так это в освоенцы – пиф-паф-трах-бум, трудности и героизм, приключения каждый день. Но на конкурс освоенцев подают с двадцати одного года, да и то, если овладел двумя профессиями.

Ждать семь лет? Вечность! Я поддался уговорам бабушки и записался на четырехлетний цикл в Базмашенский политехникум, благо тесты. «Конструирование и эксплуатация обучающих систем» – так назывался цикл.

Выпускную тему защитил по высшему баллу и получил открытый сертификат. После недолгого раздумья выбрал специальность «испытатель обучающих машин». Меня направили в Ереванский учебный центр на полугодовую стажировку. Потом или просто повезло, или маманя пустила в ход связи, но вдруг образовался контракт в Мытищинский институт экспериментальной педагогики. Отец был недоволен, зато мать откровенно радовалась – из Подмосковья до нее всего десять минут без пересадки.

Два года в Институте. Одна командировка в Тихо. Там никак не могли разобраться после монтажа с тренажерами, а все наши наладчики сидели на Проекте. Вот и попросили меня быстренько слетать туда-обратно. На Луне время провел весело. Систему я им наладил, правда, всю неделю слегка мутило. Народ там гостеприимный, но никто не предупредил,

что при пониженной гравитации некоторые напитки домашнего изготовления из организма выводятся медленно.

На Проекте из нашего сектора было трое – Глеб Карамышев, Райнер Ключе – испытатель Европейского учцентра, и я. К тому моменту, когда Проект выходил на финиш, Карамышев вывихнул ногу, у Ключе родилась дочь, и он взял недельный отпуск. Тут выяснилось, что в монтаже напутали коммуникации, потом вдруг скисла элорганика, и пришлось менять транспьютерные блоки. Испытания грозили завершиться провалом, прогон за прогоном кончался неудачей, ну а чем кончилась восьмая проба, вы, наверное, знаете лучше меня.

Директор Института переглянулся с человеком в светлой рубашке, задававшим странные вопросы. Тот кивнул и подошел к столу.

– Извините за назойливость еще раз! Моя фамилия Прокеш, я, можно сказать, эксперт. Я привстал и кивнул.

– Собственно, – добавил Прокеш, – экспертом я стал позавчера, почти сразу после вашего... происшествия. У меня одна просьба. Повторите все подробности – цвет глаз ваших уважаемых родителей, сколько комнат в доме вашей бабушки – словом, все!

Директор с интересом посмотрел на Прокеша.

– Вы полагаете, это настолько серьезно? – спросил он.

– Не знаю! Но у меня есть маленькие сомнения, а как эксперт я обязан их рассеять или... Наоборот. Даже самые невероятные предположения. В первую очередь – самые невероятные.

– Вы думаете, – директор пожевал губами, – рокировка?

– Ничего я не думаю, – улыбнулся Прокеш, сел в кресло и сцепил пальцы на большом животе, – ничего не предполагаю, подвергаю все сомнению, в том числе и гипотезу рокировки. Покровский, конечно, большой ученый и великий физик, но у его учеников необузданная фантазия. Это хорошо, но...

Эксперт покрутил пальцами в воздухе.

Директор молча смотрел на него, а я на директора. Что касается гипотез, то довелось мне в эти дни услышать разное. За три дня нафонтанировали столько, что экспертам расхлебывать много недель, если не месяцев.

Месяцев! Большим я тогда был оптимистом.

Между тем директор протянул руку и взял со стола прозрачный конверт с пластинкой инфора. Там же, в конверте, находился служебный сертификат. Судя по цвету полос – мой!

– Ну что ж, – сказал директор, – рекомендации Совета Попечителей для меня закон. Отдаю его вам. Испытатель Барсемян, вы командуетесь в Европейский учебный центр. Есть возражения?

Я не успел ответить, как заговорил Прокеш.

– Все это формальности, – сказал он. – Вы можете находиться, где вам будет удобно. Под Прагой прекрасные лаборатории, а поскольку Центр в Праге, то проще все решить на месте.

Он говорил чисто, с мягким, еле заметным акцентом. Возражений у меня не было. Сейчас больше всего хотелось выспаться – лечь прямо на ворсистый пол в директорском кабинете, и часиков шесть чтоб меня не трогали.

– А пока, с вашего позволения, – Прокеш взял конверт, – давайте немного отдохнем.

– Давайте! – невольно воскликнул я.

По коридору я шел, плохо соображая, что он говорит. Он довел до лифта, поднялся в медсектор к моей комнате. Я успел ему вежливо что-то промямлить, вошел, упал на диван и заснул.

В просмотрном зале Института я второй или третий раз. На меня не обратили внимания. Непривычно как-то. Обычно покажешься на людях – вроде бы пальцем не тычут, но напряженное любопытство повисает в воздухе, руками можно потрогать. За неделю я насытился славой, плотно наелся.

Директор и Прокеш сидели рядышком и, склонив головы друг к другу, тихо беседовали. Глеб Карамышев и незнакомый наладчик вводили инфоры. Были еще двое – один молодой, с длинными усами, а второй – с могучей лысиной, тоже усатый, но усы короткие, жесткие. Знакомое лицо. Он внимательно оглядел меня с ног до головы, хмыкнул. Молодой глянул мельком и перевел взгляд на монитор.

Делать мне здесь нечего. Все, что мог сказать, я уже сказал. Может, пригласили из вежливости? Уйти, что ли? Карамышев поднял голову, увидел меня, махнул рукой и, сказав: «Привет, Арам!», уткнулся в монитор.

Директор и Прокеш обернулись, чуть не стукнувшись носами. Прокеш сделал приглашающий жест и негромко сказал:

– Давайте к нам!

Я сел рядом. Наладчик буркнул «готово» и притушил свет.

– Ну, в общем, я повторяю, – скороговоркой начал Карамышев. – В шестнадцать двадцать четыре пошла восьмая проба, в шестнадцать двадцать шесть и четыре зафиксирован контакт, в шестнадцать двадцать семь и три испытатель Барсегян исчез из кабины двенадцатой модели экспериментальной обучающей системы на две, точнее две и одна, секунды. Затем испытатель Барсегян был обнаружен в кабине лежащим на полу, а рядом находились трое. Через несколько минут испытатель Барсегян пришел в себя. Ну... – Глеб замялся, – поговорили, выяснилось – из 1943 года. Позапрошлый век. Вернее, это они так заявили.

– А вы? – перебил его тот, что с большой лысиной.

– Что – я? – удивился Глеб.

– А как вы считаете?

Карамышев пожал плечами и посмотрел на директора.

– Вот именно, – назидательно сказал лысый. – Все это пахнет... Впрочем, посмотрим, что еще у вас там?

Глеб снова пожал плечами и включил монитор.

Цеграфии хорошие, резкие, по краям немного размытые. Я опасался, что вылезут сцены со дня рождения Симы, но обошлось.

Молодой, с усами, подошел ближе. «Эксперт Трифонов, – шепнул мне Прокеш, – а другой – мотиватор Миронов».

Я дернулся, но Прокеш удержал меня за локоть. Первый вживе мотиватор, которого я вижу. Любопытно.

Трифонов молча разглядывал цеграфии, попросил задержать одну – там, на мой взгляд, ничего интересного не было – снег и ветка ели, а на ней опять снег.

– Не пойму, – сказал Трифонов, – вроде звезды проглядывают.

– Объекты идентифицированы, – негромко сказал Прокеш, – со всеми поправками. Полное совпадение. Звезды наши.

Последнюю цеграфию Трифонов разглядывал долго.

– Да, – наконец заключил он, – все как полагается. Как в хрониках. Шинели, каски и «шмайсеры» наперевес.

– Где это вы «шмайсеры» видите? – иронично спросил Миронов.

Трифонов несколько растерянно ткнул перед собой пальцем.

– Нет! То, на что вы сейчас пальцем указываете, пистолет-пулемет МП-38 фирмы «Ерма», калибр девять миллиметров, тридцать два патрона и прямой, как видите, рожек. А то, что называется «шмайсером», – это штурмовое ружье МК-542, калибр 7,92, тридцать

патронов, а рожок, напротив, изогнутый. Конструктор, да, Шмайсер. На вооружение взят в 1944 году. Так ошибаться нельзя, на таких ошибках можно построить одну или несколько роскошных теорий. Я знаю любителей таких построений!

– Да мне то что, – огрызнулся Трифонов и сел в ближайшее кресло.

– Что там у вас с... прибывшими? – спросил Миронов. Директор развернулся к нему с креслом.

– Вы получите все материалы. Восприняли они происшествие спокойно. Кузьма Лыков спросил, можем ли мы вылечить раненую ногу. Валентина Громова вспомнила Уэллса и еще какие-то рассказы о машинах времени, а подросток Евгений Коробов долго не понимал, что произошло. Лыков интересовался, можем ли мы вернуть его обратно. Громова и Коробов этим не интересовались.

– А чем они интересовались? Очевидно, задавали вопросы?

– Да, много вопросов. Но им посоветовали немного подождать, пока не будет решен вопрос об их возвращении.

– Неплохая шутка!

– То есть как? – поднял брови директор. Мотиватор Миронов подошел к нему и навис над креслом.

– Вы всерьез полагаете, что их можно вернуть?

– Мое мнение здесь несущественно, – веско сказал директор. – Я не специалист в этом вопросе. Я сейчас выступаю как администратор. Решение примут специалисты, эксперты и, наконец, мотиваторы. Мое дело – обеспечить реализацию принятого решения.

– И вы так хладнокровно об этом говорите! – всплеснул руками мотиватор. – Вы спокойно отправите их обратно на смерть после того, как они побывали здесь? А этическая сторона вопроса?

По-моему, он издевался. Мы ему не понравились, вот он и резвился. Мотиваторам, говорят, это на пользу, они, как и все интуитивисты, люди настроения.

– Этическая сторона вопроса меня, разумеется, волнует, – ответил директор. – Как, впрочем, и вас. Когда надо будет принимать решение, тогда и поговорим об этике. А пока все это – колебания воздуха. Вы сначала объясните, что произошло, как и почему, а тогда посмотрим, обратимо ли это... происшествие.

– Вы можете построить машину времени?

– Нет. Не уверен, что такая в принципе возможна.

– Как же вы могли обещать?!

– Во-первых, не я лично обещал, во-вторых, как бы вы повели себя, если на вас вдруг, извините, валятся люди, не являющиеся сотрудниками Института, и вообще непонятно откуда?

– А Лыков парень крепкий, – вмешался в разговор Карамышев, – когда, говорит, возвращать будете, оружия подкиньте.

– Да-да! – подхватил Миронов. – Оружие, то-се, парадоксы со временем, хронопетли, расслоение пространства и прочие красоты воспаленного ума. Темпоральная шизофрения – вот что это такое! Никаких перемещений времени не было и быть не могло!

– А как же они? – спросил Глеб и выпятил нижнюю губу.

– Кто? Ах да... не знаю, не знаю, – пробормотал мотиватор. – Думать надо, надо думать.

– Я их успокоить хотел, – сказал Карамышев. – Поэтому и сказал, что вернем... Только вот как возвращать? Убьют их там!

– Фантастика! – донесся сердитый голос Миронова.

– Лыков просил их сразу в Клинцы закинуть – это город рядом, у них там свои люди есть. – Карамышев виновато посмотрел на директора. – Может, действительно...

– Глеб Николаевич, – устало произнес директор, – я абсолютно не разбираюсь в темпоральной физике. При всем моем уважении к вам, полагаю, что вы разбираетесь не больше моего. Да и сама темпоральная физика существует всего три дня. Я не знаю специалистов. И академик Покровский, выпустивший, кстати, из бутылки этот термин – «темпоральная физика», не уверен, можно ли считать его специалистом в этой более чем новорожденной сфере научных интересов.

Карамышев почтительно выслушал тираду директора, а потом негромко спросил у наладчика: «При чем тут бутылка?»

Мотиватор засопел, а я с интересом наблюдал за ним. Может быть, прямо сейчас хлоп – и ответит на все вопросы! Помню, смотрел года два назад передачу о мотиваторах. Парень моих лет гулял себе, щепки в воду сыпал, а потом – рраз! – и готово. Новый принцип самоконтроля транспьютеров. Правда, у него было шесть специальностей в семнадцать лет. Вот тебе и прогулочка у воды!

– Так я только чтобы успокоить их, – сказал Глеб. – С Клинцами ничего бы не вышло. Парнишка сказал, что там партизаны состав взорвали на станции. А в составе – бомбы. Полгорода снесло, и все вокруг заражено. Пока радиация спадет...

Карамышев запнулся, потому что рядом с ним оказался мотиватор Миронов.

– Что, что здесь происходит?! – вскричал он фальцетом. – Почему об этом я узнаю между прочим, случайно?

– Мы только начинаем работать, – сказал Прокеш извиняющимся голосом. – Вся информация будет проверяться и перепроверяться. Нам еще много предстоит узнать о деталях той войны. Стоит ли сейчас так волноваться из-за каждой партизанской акции?

– Вы полагаете, не стоит, Вацлав? – спросил Миронов.

– Я думаю, у нас еще будут поводы для волнения.

– Вы тоже так считаете? – обратился мотиватор к директору.

– Я не историк, я биолог. Но не вижу причин для эмоций.

– Прекрасно! – Миронов вперил взгляд во второго эксперта. Эксперт молчал.

– Следовательно, вы все здесь считаете, – вкрадчиво сказал Миронов, – что атомная бомба у фашистской Германии в 1943 году – событие, недостойное эмоций?

– Что вы имеете в виду? – безмятежно спросил директор. – Я вообще-то не историк...

Глава вторая

С утра начались неполадки у проходчиков; сцепка развернулась не тем боком и среза два метра силового кабеля, потом на четвертом горизонте просела порода, а почти весь крепеж забрал Гуртан на проходку. Пока стыковались со складом, пока дергали туда-сюда платформы, убился час.

Второй месяц всех монтажников держали на шахте – людей не хватало. Нас сняли с монтажа на месяц, не больше. Месяц перешел во второй, теперь поговаривают о третьем.

Я краем глаза поглядывал на терминал, следя за перемещениями сцепки. Головная доползла до штрека, развернулась, встала. Связался с Гуртаном. Он сказал, что все в порядке, но течет гидравлика, немного, но течет. «Ага!» – вмешался Марченко, и начался большой разговор.

К концу смены я ошалел от вежливой ругани и криков. Был момент, когда сам чуть не сорвался и не наговорил ерунды, но вовремя сообразил, что уже третий день, как начался сезон теплых ветров. Народ слегка шалее, когда с гор тугие струи воздуха несут запахи джунглей. Дышать одно удовольствие, но возбудимость повышается, молчуны становятся говорунами, а говоруны-то, говоруны!..

Мы приехали сюда в тихий сезон. Месяца через три я уже чувствовал себя матерым освоенцем. Предупреждали меня о теплых пряных ветрах, не раз и не два предупреждали – к новичкам отношение здесь внимательное, бережное. Я выслушал и забыл. А когда задуло, не обратил внимания и надышался. Потом я обнаружил, что распеваю во все горло, а меня тащит за руку Миша Танеев. Мы пришли в жилсектор, я несколько уgomонился, только время от времени с идиотским смехом тыкал Мише в грудь пальцем, вопрошая, что он здесь делает. А Миша в свою очередь удивлялся, как я сюда попал и почему до сих пор мы не встретились – он-то четвертый год тут работает. Пришла жена. К этому времени, кажется, я был в норме. Правда, несколько раз подробно рассказал ей, как неожиданно мы встретились и как это здорово, что встретились школьные друзья, не видевшие друг друга столько лет, а вот встретились, и здорово! Валентина долго разглядывала меня, присматривалась к Мише, а когда я попытался в шестой или девятый раз пересказать все сначала, ущипнула за руку, и я замолчал. Мише сказала, что таким веселым видит меня впервые.

Танееву я был рад до невозможности. Мы учились с ним в одной группе почти три года, до очередного переезда отца. Толстый, добродушный и фантастически спокойный Миша был для меня воплощенной стабильностью, надежностью – частая смена учебных групп давалась мне нелегко, каждый раз надо было вращать, вернее, каждый раз по-новому отстаивать свое право не вращать.

С Мишей было проще. Мы сдружились мгновенно, и через день нам уже давали прокрут за срыв занятий. Моя идея и Мишино исполнение привели к тому, что в школе неделю заниматься было невозможно – несколько безобидных реактивов, смешанных в должной последовательности, дали такой вонючий выхлоп, что слабый тошнотворный запах ощущался еще почти месяц.

Отец сердился, а мать откровенно возликовала: она была уверена, что срабатывают гены предка-химика. Ну а Мише домашний вздрюк надолго отбил охоту к химии.

Сперва я его не узнал: круглый мягкий увалень вырос в огромного парня, вполне способного завязать длинный шарнирный болт на два узла. Он на Марсе обжился плотно и стал большим знатоком местных традиций, забавных и не очень.

Мой жилсектор на втором ярусе. По пути зашел в душевые. Вода была чуть теплой. В соседней кабине кто-то громко клял жмотов и скопидомов. Я уже обсыхал, когда из кабины вылез Марченко, прошлепал под раструб сушилки и сказал:

– Каково, а? Мы уголек колушаем, а на нас тепла жалеют!

Разговора я не поддержал. Во-первых, я с детства не люблю горячей воды. Во-вторых, начни сейчас разговор, не остановишься. Третье – какой же это уголек? Неорганика структурированная. Невыясненного происхождения. Прекрасный катализатор для пищевых синтезаторов. И насчет того, что тепла жалеют, он погорячился. Энергии хватает с избытком, но с трубами вечно происшествия – то протекают, то засоряются.

Так, оживленно беседуя сам с собой, я вышел к своему сектору. На повороте, у блока внутренней связи, остановился. В это время, когда после смены народ расходится по ярусам и секторам, и на этом месте Арчи Драйден ждет своего отца. Он из группы Лены Рычковой, в прошлом году Валентина у них вела историю и риторику. Обычно он стоял под «почтовым ящиком» – маленький, веснушчатый, совершенно разбойного вида ребенок. Мы с ним большие приятели.

С монтажа я приносил ему всякую блестящую мелочь, а однажды приволок дефектный шарнирный болт. Арчи в восторге ухватил его, взвалил на плечо и ускакал домой, не дождавшись отца.

Мне нравилось с ним беседовать, я узнавал иногда поразительные вещи. Например, из сердцевины расщепленного местного репейника после недолгой сушки получается вкуснейшая тянучка, а вот если растереть сухие листья полосатика да подсыпать кому-нибудь в компот, то этот кто-нибудь весь день будет ходить в зеленых пятнах. Я рассказал об этом Валентине, она отмахнулась, ей хватало забот в группе. Через полгода случайно услышал в новостях, что из клетчатки полосатика выделили новый биопигмент, очень стойкий.

Сегодня Арчи на месте не было, наверно, уже встретил отца. Ну и ладно. Я не сентиментален. Приятно, конечно, когда тебя дожидается сын, ты осторожно подхватываешь его на руки: осторожно, так как потолки здесь невысокие, потом вы идете рядом – себе на радость, другим на умиление. Что характерно – на Земле редко встретишь детей или подростков вне школьных городков. Там без взрослых он или заблудился, или сбежал из детской зоны. Здесь проще. Никому не возбраняется лезть куда попало, путаться под ногами, встревать в дела взрослых.

Дети на Марсе всем в радость. Ну а если нет детей, то ничего не поделаешь. Мне доводилось слышать о трагедиях некоторых бездетных семей, и я, признаться, не понимал, как можно сознательно идти на генетический риск, обрекая себя и других на ужасы страшнее, чем муки одиночества. Как-то я сказал об этом Валентине, она пожала плечами и ничего не ответила.

В прихожей я боком развернулся к нише, стянул комбинезон. Из комнаты донесся смех жены и чей-то голос. Голос мужской. «Когда же она смеялась в последний раз? – задумался я. – Кажется, на той неделе, когда я облился чаем».

За столом сидел очень полный мужчина и ел из моей любимой тарелки крошку. Валентина увидела меня и сказала:

– У нас гость!

Словно я сам не видел.

Мужчина поднял голову, положил ложку, встал, подошел ко мне, тряхнул за плечи и провозгласил:

– А ты вырос, Арам, тебя не узнать! Здравствуй!

– О! – радостно сказал я. – Здравствуйте и вы!

Пять с лишним лет прошло с тех пор, как я в последний раз видел его. Он раздался вширь, лоб пошел еле заметными морщинами.

Было время, когда мы встречались почти каждый день. Он знал массу историй и невероятных случаев, любил поговорить, а я любил слушать. Потом я устроился на курсы осво-

енцев, чудом проскочив через конкурс. Видеться стали редко, потом еще реже, и наконец, контакты свелись к праздничным поздравлениям.

— С вашего позволения, друзья мои, я доем эту окрошку, и если вы меня не прогоните, то проведем вечер воспоминаний.

Жена нахмурилась и придвинула к гостю блюдо с лимонными ягодами. Прокеш взял ягоду, положил на язык и скривился:

— Кисло. В такую, значит, мелочь выродился здесь лимон?

Потом гость ходил по комнате — пять шагов в ширину, восемь в длину, заглянул в спальную нишу, в санкуб, сочувственно повздыхал, но тут же сказал, что слухи о невозможных бытовых условиях освоенцев сильно преувеличены. Развернуться, конечно, негде, но ведь вы и не собираетесь здесь разворачиваться?

Не собираемся, успокоил я его. Жена только хмыкнула.

Откинули диван и два кресла. Прокеш посетовал на малоподвижный образ жизни и пообещал записаться в освоенцы, чтобы сбросить вес ровно наполовину и быть достойным местной мебели. Я слушал его и думал: не для того же он здесь, чтобы потрепаться в нашей компании! Хотя чем это не причина?

Он вдруг замолчал, затем негромко спросил:

— Как долго, Арам, ты собираешься тут работать?

Я замялся. Два года отработал и могу хоть завтра улететь. Заработал столько, что могу позволить домик у моря. Но что такое море? Очень много сырой воды. И что такое два года!? Из тридцати четырех станций смонтировано только девять. Скоро трасса пойдет через джунгли, старожилы обещают небывалую охоту. Ну, охоту я не люблю, но работа интересная, тем более что должны прийти новые манипуляторы. Ночами, после смены, когда сон не идет, бывало, задумаешься, что я здесь потерял, но цветные пятна, плывущие по потолку и складывающиеся в причудливые узоры, и еле слышное бормотание релаксатора обращали мысли к высоким целям, наполняли работу смыслом...

— Пока работаю, — ответил я. — А надо возвращаться? Что случилось?

— Нет-нет, все в порядке, — быстро ответил он. — Никакой спешки! Не сегодня и не завтра. Возможно, и не через год. — Для убедительности он приложил руки к груди. — Собственно, мы могли бы сотрудничать и так, у меня неограниченный терминальный актив, но и у тебя, по всей видимости, широкая линия. Можно добиться прямой связи, мне по средствам, но это не очень этично, понимаешь? — Он пошевелил пальцами.

Этот жест напомнил мне времена, когда я, ничего не понимающий сопляк, трясся от возбуждения и с секунды на секунду лихорадочно ждал озарений, открытий и мощных прорывов в неведомое. А Прокеш, вот так шевеля пальцами, ядовито комментировал бредовые идеи рабочей группы. Потом говорил сам Покровский, при этом Прокеш молчал, но пальцами шевелил... События пятилетней давности опять всплывают на поверхность.

— Что ж, если нет спешки, давайте выпьем чаю!

— Вот и славно! — сказал Прокеш.

Напившись чаю, вздохнул, откинулся на диван и благодушно сказал:

— Хорошо у вас! И легко. Приятно немного сбросить вес, не ограничивая себя в питании. Кстати, я недавно инфор смотрел, назывался «Прогулка по Марсу». Такой контраст!

Он принялся пересказывать содержание инфора. Неудобно было его перебивать, но инфор этот сидел у нас в печенках. Месяца не проходило, чтобы его полностью или частично не давали по местному видео. Впечатляет, когда вместо пустыни с жалкой атмосферкой возникают переплетения citrusовых джунглей или бескрайние папоротниковые степи. Потом в дневных вестях показывают новенький промкомбинат или возводимый с лязгом и грохотом синтезатор-десятитысячник, а вокруг на несколько километров все снова превращают в пустыню, в целях безопасности.

За сто пятьдесят лет освоения земная флора и фауна дали неожиданные мутации. Известно кем завезенные ядовитые змеи, например, утратили агрессивность и ядовитость и превратились в огромные добродушные колбасины на потеху местной детворе. А вот встретиться с кроликом ночью в джунглях без оружия... Да и с оружием еще неизвестно, кто доберется раньше – вы до спусковой клавиши или кролик до вас!

Вот и выжигают все вокруг, а Валлон и его экологисты с похвальной регулярностью раз в неделю затевают на видео диспуты, неизбежно переходящие в скандалы. Неплохой парень Валлон, освоенец шестого года, но когда дело касается природы, совершенно теряет чувство юмора и звереет на глазах.

Недавно ставили очередной синтезатор, и он снова устроил шум. Я при встрече спросил его: если не выжигать полосу безопасности и вообще не ставить синтезатор, а вместо того заняться массовым отстрелом кроликов и другой живности на мясо?

Вопреки моим ожиданиям он не обиделся и даже обрадовался. Взял меня за ремень и долго объяснял, что разумная охота вполне может прокормить все население, синтезаторы же при всех своих достоинствах дают побочно немало токсичных отходов: пока на Марсе нет грунтовых вод в изобилии – это терпимо, но кто поручится за следующие столетия?

Экологисты любят пугать будущим. Меня в тот момент будущие столетия не интересовали, и поэтому я заявил Валлону, что на его «разумную охоту» для прокорма придется вывести все население.

Прокеш посетовал на недостаток времени. Я так понял, что это приглашение к «вечеру воспоминаний».

– Так вот, друзья мои, – начал он, сцепив пальцы на животе, – блестящий тупик, в который мы дружными рядами зашли много лет назад, стал тесен, и кое-кто собирается перелезть через стену. Возможно, будет принято решение о расконсервации двенадцатой модели экспериментальной обучающей системы.

– Что это даст? – пожал плечами я. – Ее же перебрали до последнего вкладыша! И вы тогда, помню, смеялись.

– Возможно, ничего не даст, – согласился Прокеш. – Она и не должна была давать ничего сверх того, для чего была предназначена. Несколько модифицированная система наглядного обучения, а никакая не машина времени, что бы там ни кричали горячие головы из компании Покровского. Правда, – на секунду он замялся, – есть у меня маленькие сомнения по поводу, как ты говоришь, последнего вкладыша, но именно маленькие!

Я не спорил. ОС-12 была одной из плановых разработок Института. Не больше. Правда, директор на ученом совете заявил, что она приведет к рывку в подготовке преподавателей, но ряд отделов к этому отнесся скептически, а нас, испытателей и наладчиков, их педагогический экстаз не воспламенял. Конечно, наше мнение учитывалось. Ключе, помню, с большим сомнением относился к этой идее. «Фантоматы, – шипел он сморщившись, как от кислого. – Имитаторы! Все эти фокусы добром не кончатся!»

Идея была богатая. Метод наглядного обучения. Настолько наглядного, что обучаемый становился как бы участником событий или явлений, составляющих предмет обучения. Лет двадцать назад активаторы нейроглии – фантоматы, как их прозвали в быту, – широко использовали в игротехах. Но после нескольких случаев помешательства, одно из которых со смертельным исходом, начались региональные скандалы, они, в свою очередь, привели к референдуму, а референдум – к запрету.

Карамышев вспоминал, что в детстве несколько раз подключался к игре «вторжение», а однажды пролез со старшеклассниками на многоходовую «катастрофу» для взрослых. «Это страшно, Арам, – рассказывал он, – когда вроде бы игра кончилась и ты идешь домой, вдруг земля трескается и вылезают огненные змеи с огромными зелеными глазами. Я долго потом гадал, в игре я или наяву».

Тем не менее яд в малых дозах был сочтен лекарством.

Фантоматы создавали полный эффект присутствия. Это несложно. У нас же, наоборот, работа велась на ограничение эффекта для выхода с позиции «соучастник» на позицию «наблюдатель-соучастник». Первоначально казалось, что все упирается в доводку активатора, потом доводка выросла в известную проблему Кольцова – Рихтера.

Одна из первых моих проб – имитация работы термоядерного блока. Я должен был ощущать себя сгустком плазмы. Проба неудачная, я чувствовал себя зрителем не очень качественной мультипликации. Четвертая проба – функционирование Т-лимфоцитов – прошла удачнее. Опять я наблюдал все со стороны, но при этом присутствовало ощущение опасности, постоянное ожидание нападения. Я был чужеродным белком.

Дальше – лучше. Гуманитарная серия сразу пошла, восьмую пробу наметили калибровочной. Пролет над партизанским краем, выброс контейнеров с оружием. Я был водителем непрочного сооружения из ткани и фанеры. В момент пробы я уже знал, что это, где, когда и зачем. Замерялись медленные потенциалы коры. И вдруг я очутился на снегу, в мертвенном оцепенении. Что-то происходило, рядом шевелились тени, как в тумане или тяжелом сне, и ни звука, только долгий тихий хруст, слабый треск, потом на секунду – комната, люди, грохот, и тут же я оказался в класс-кабине, а рядом бородатый дяденька с пистолетом в руках, парень и девушка...

– Происшедшее не могло произойти, однако произошло, – продолжал между тем наш гость. – Мы слишком увлеклись фактами, сразу начали строить модели и считать варианты. Ладно, я – всего лишь эксперт, случайно вляпавшийся по самые уши в эту чертовщину. Ладно, Покровский, он всего лишь физик и всего лишь дважды лауреат премии своего имени за научную смелость, и он всегда готов поверить в любую чертовщину, лишь бы создать под нее одну или две красивые теории. Но почему историки отнеслись спокойно?

– Они просто не поверили, – сказала жена. – Я сама историк, и я бы на их месте не поверила.

– Возможно, – кивнул головой Прокеш, – но никто не обратил внимания на то, что факты не увязываются между собой.

– Какие факты? – спросила жена.

Прокеш достал конверт, выбрал оттуда несколько пластинок и подошел к терминалу. «Где тут у вас... ага!»

В комнате повисла знакомая, однажды приснившаяся мне картина: темная комната, в углу под темными портретами масляный светильник, в руке у Лыкова пистолет, а человек в длинной шинели, оскалившись, замер в падении на спину.

– Картина восстановлена по цегафии Лыкова и частично твоей. Коробов несовершеннолетний был тогда, а Валентина Максимовна, как вы знаете, отказалась «мозги высвечивать». Или я ошибаюсь?

Молчание. Прокеш кашлянул и продолжал:

– Поведение немцев странно. Вместо того чтобы, войдя, обыскать, поставить всех лицом к стене, разоружить, начать пальбу, наконец, они словно чего-то ждут. Судя по рассказу Лыкова, вот этот, – Прокеш указал на лежащего у стены человека со свернутой набок челюстью, – выслеживал племянника хозяйки, Евгения Коробова. Непонятно, почему в такой обстановке офицер держит оружие в кобуре. Непонятно, почему, обнаружив столько людей в комнате, они ведут себя так неосторожно. Все это внушает сомнения.

– Сомнения в чем?

– Грмм, – отозвался Прокеш, – если бы я знал! Что-то неладное в этой истории, но что? Не понимаю! Испытывали бы физики или энергетики свои устройства – тогда бредни Покровского можно было бы принять за исходную точку для размышлений. А с офицером,

с Хевельтом, еще более странная история. Раскопали мерзавца этого! Миронов раскопал, неутомонный дед. У мотиваторов хоть и ресурс на инфор неограниченный, но региональная служба была от него. Вот, полюбуйте.

Он достал из сумки обернутую в раппер голографию. Развернул, включил подсветку – возникла обложка книги. Черные острые буквы. Щелчок: нечеткое изображение мужчины – неприятное лицо, шрам у виска, бесцветные глаза.

– Бумажная книга вышла в позапрошлом веке, лет через двадцать после той войны. На сто четырнадцатой странице есть несколько строк о карательной операции, во время которой он был ранен в голову. Остался шрам – вот он. Лыков же стрелял дважды – в спину и в лоб. На цегафии дырка во лбу и головной убор, извините, с мозгами отлетает.

– Может, как это, – параллельные миры? – пробормотал я.

– Свежая, оригинальная мысль, – прикрыл глаза Прокеш. – С нее, кстати, начали и быстренько зашли в очередной тупик. Но самое странное даже не эти воспоминания. Миронов раскопал в забытых архивах списки личного состава части Хевельта, где точно указано, что Хевельт погиб во время карательной операции от рук террористов, сброшенных на парашютах.

– Ничего не понимаю, – помотал я головой.

– Я тоже.

– Может, это другой Хевельт?

– Который из них? Не получается с параллельными мирами. В нашем мире убивают Хевельта, и в нашем он отсиживается в Парагвае и пишет мемуары. И фамилия странная, скорее шведская. Впрочем, достоверность старых документов – вещь очень тонкая, никогда не знаешь, где объективная реальность, а где игра интересов. Миронов вообще считает, что все это обман, но что он под этим подразумевает, объяснить не может. Мотиватор!

– Хорошо, он объяснить не может. А остальные?

– Кто – остальные?

– Как же, девять самостоятельных групп, и с ними лично Покровский...

– Да, да, да! Девять и сам Покровский! Полгода они с большим вкусом прожигали неограниченный сертификат. Потом выложили на стол девять, не скрою, остроумных концепций, одна исключая другую. Покровский прихлопнул их десятой, отмечающей все, но столь же умозрительной. Очень изящный математический аппарат и все такое. А потом у каждого свои дела, свои проблемы. Вот ты, например, через год ушел из Центра.

– Через два.

– Хорошо. Но ушел. Тебе было неинтересно?

– Я не специалист.

Он поднялся с места, убрал инфор и снова опустился на диван.

– Ничего не поделаешь. – Он грустно улыбнулся. – Любопытство стало вещью редкостной. Недавно мой большой друг Семен Нечипоренко долго пытался объяснить, как здорово, когда разброс частот виртуальных спектров превышает параметр Гольбаха, а я пытался понять, что такое виртуальный спектр, и, честно говоря, мне не было интересно. Однако тогда и сейчас, ты понимаешь, речь шла и идет не о виртуальных спектрах, а о живых людях. О людях из прошлого! Конечно, тактичность не позволяла...

– Кстати, о тактичности, – вмешалась жена. – Зачем вам все-таки понадобился Арам?

Прокеш с любопытством посмотрел на нее. Мне не понравился взгляд. Была в нем холодная отрешенность: смотрит и прикидывает, сравнивает и вычисляет.

– Извините, Валентина Максимовна, но я и сам не могу сказать сейчас, зачем Арам нужен на Земле.

– Интуиция, – понимающе протянула жена. – Мне вот интуиция подсказывает, что он нужен здесь. А я пока отсюда никуда не собираюсь!

Я кашлянул. Надо разряжать обстановку.

– Сказано ведь – не сегодня. А через год посмотрим.

– Через год?

Жена плотно сжала губы и подняла на меня глаза.

Прокеш пообещал зайти завтра вечером и ушел. Только за ним затянулась перепонка, как интерком щелкнул, и на терминале после прерывистых гудков и зеленого мигания общего вызова появилось лицо управителя Галайды.

– Извините за беспокойство. У кого сейчас гостят Митя Танеев и Арчи Драйден? Просьба немедленно сообщить мне или родителям. Арчи Драйден и Митя Танеев.

Опять дети заигрались, подумал я. Раз в месяц обязательно начинается паника, объявляется тревога и всеобщий поиск. Потом озорника ловят в безопасном месте, на терриконах или в Каньоне. Одного трехлетку, правда, поймали на полпути к джунглям, с игрушечной «лейкой» наперевес. Шел поохотиться на кроликов.

Жена побледнела и кинулась к терминалу. Пока она набирала номер, я подошел, взял за плечи.

– Лена, что случилось? – спросила Валентина. Рычкова озабоченно кивнула, посмотрела куда-то вбок.

– После занятий они остались в кабинете, а потом ушли. Из моих никто не видел. Может, твой?

– Хорошо, подожди! – С этими словами жена отключилась от Рычковой, вывела на экран список класса, набрала вызов.

– Извините, ребята, если кто-нибудь знает, где Танеев и Драйден из пятого «гамма», сообщите мне или управителю.

Она повернулась ко мне:

– Лене только этого не хватало! Могут лишить сертификата, а у нее мать больна.

Мигнул вызов.

– Валентина Максимовна, – возникла на экране испуганная детская физиономия. – Митька у меня вчера ночнушку взял.

– Зачем?

– Не знаю, я спрашивала, он не сказал.

– Спасибо, Отоми.

Я быстро пошел к двери.

– Ты куда? – спросила жена, набирая вызов.

– К управителю. Они в джунгли сбежали.

Она повернулась было ко мне, но тут возник Галайда. Валентина сказала ему про ночнушку, старик мрачно пошевелил усами и, буркнув: «Ладно», исчез, но тут же появился снова на зеленой полосе общего вызова.

– Спасателей и свободных от работы прошу немедленно в мой кабинет. Повторяю...

Последние слова застали меня в коридоре. Услышав про очки ночного видения, я понял, что ребята решили уйти в джунгли. Без ночнушки там нечего делать в любое время суток – полумрак, дымка, влажная паутина.

К кабинету Галайды я пришел одним из первых. У него сидела Эмма Драйден. В глазах слезы. Танеев рядом молча теревил рукав комбинезона. Там же находились трое спасателей и, к моему удивлению, Прокеш. Заметив меня, подошел и сел рядом.

За несколько минут в кабинет набилось много людей, наконец Галайда попросил заблокировать вход.

– Вот что, хлопцы, – сказал он. – Дело плохо. Тут два пацана, – он покосился на Эмму, – прогуляться решили. По периметру людей надо расставить и к Центру идти. Может,

где играют? По просекам немного пошукать. На периметр людей хватит, а вот в лес, – он замялся, – свободных машин мало. Человек полста на лес можем. Водитель и двое в кузов.

– Кто пойдет? – спросил мужчина в робе спасателя.

– Кто первым пришел, тот и к лесу!

– «Лейки» брать?

– Пожалуй. Мало ли что. – Галайда пожевал ус и обратился к своему заместителю: – Питер, выдай ребятам оружие.

Из соседнего помещения приволокли квадратные пластиковые ящики с металлической окантовкой. Там оказались тупорылые «лейки» с инфракрасной оптикой.

– Так! – объявил Галайда. – Они ушли часа три-четыре назад. До ближайших зарослей километров двадцать. Скорее всего еще бродят в степи. В лес далеко не заходить, пошарьте по опушкам и в степи зигзагом. Темнеет уже, дождь сильный ожидается.

– Дождь – это хорошо, – сказал кто-то из спасателей.

Кролики в дождь прячутся в свои норы-пещеры. Если не провалишься к ним сквозь рыхлую почву, то в дождь можешь прогуляться по джунглям в поисках острых ощущений. То, что Галайда называл степью, представляло собой поросшую травой, папоротником и худосочными кустиками плоскую равнину. После выжига зоны безопасности несколько лет ничего не росло, а потом лишь хилая трава и мелкий кустарник. Хищные кролики не любят степь – там их мохнатые туши на виду.

Прокеш попросился в мою тройку. Галайда посмотрел на него, перевел взгляд на меня, потрогал ус и лишь спросил, есть ли у него страховка. Я не понимал, зачем Прокешу это рискованное предприятие. В его годы... Вон сколько крепких ребят в коридоре топчутся!

– Вы с «лейкой» умеете обращаться? – спросил я.

– Доводилось, – кивнул он.

«Где это вам доводилось?» – чуть не брякнул я, но тут Галайда поднялся и гаркнул:

– По машинам!

Через несколько минут с крыши поднялись и пошли в разные стороны платформы, развозя людей по периметру. Наши вездеходы стояли внизу. Водители, не дожидаясь лифтов, побежали к лестницам, я хотел последовать за ними, но взглянул на фигуру Прокеша и передумал. Пока мы спускались вниз, часть машин уже снялась с места. Водителем у нас был спасатель, спрашивающий про оружие. «Романенко», – буркнул он и полез в кабину. Мы с Прокешем разместились в кузове.

– Купол закройте, – сказал водитель, – пыль набьется. Машина рывком встала на подушку и пошла, набирая скорость.

– Минут через десять доберемся, – сказал я Прокешу.

Он молча кивнул.

Старожилы рассказывали, что лет пятьдесят назад в этих местах на поверхности было трудно передвигаться. За горами, километрах в двухстах, атмосферный реактор. Сейчас реакторы, опоясывающие планету по экватору, работают через один, да и то в четверть мощности. Тогда же атмосферные потоки могли сбить с ног.

Валентине здесь сначала не очень понравилось, но незаметно она стала патриоткой Марса. Неудивительно, что визит Прокеша и его предложение ее насторожили. Да и я не рвусь отсюда, хотя наши отношения с женой сейчас не самые лучшие.

Она очень изменилась за эти пять или шесть лет. Тогда в нее, как и во всех нас, после того как сняли карантин, мертвой хваткой вцепились историки. От Валентины ничего не добились, она молчала, хмурилась, в общем, не желала выступать в роли реликта.

Этим она мне и понравилась. Я бы так не смог. Попади в будущее, века на два, уж я бы изобразил памятник эпохи. А что, есть о чем порассказать! Одно освоение Марса чего стоит! Лет через двести здесь курорты будут. Кроликов приручат.

С Валентиной мы встречались каждый день в Институте, потом в Центре. В Базмашен я летал редко, пропускал воскресенье за воскресеньем. Потом ко мне прилетела Римма, младшая сестра, и сказала, что обижается Зара, моя знакомая, и если нет времени ее повидать, то есть же видео! Я что-то рассеянно ответил, сестра сунула мне гостинцы из дома, попросила связаться с отцом и убежала смотреть старую Прагу.

Я стал чем-то вроде гида при Валентине. Водил, показывал, хвастал. Один раз без ведома руководства взял двухместную платформу и устроил гранд-вояж по Европе. Валя смотрела, кивала, молчала. Ни вопросов, ни удивления! А однажды сказала со странной интонацией: «Хорошо живете, сыто».

Потом мне влетело за самовольную экскурсию, потом меня жалели за то, что влетело, – словом, все завертелось.

Отец отнесся к нашему браку сдержанно, мать одобрила и улетела на региональную конференцию. Кнарик и Римма косились сперва на Валентину, потом успокоились. Бабушка была недовольна. «Ваше дело, ваше дело», – только и сказала она. Когда она говорит с такой интонацией «ваше дело», это означает одно – ничего путного из затеи не выйдет, но она не желает вмешиваться.

Помню разговор с Зарой, хорошей знакомой, можно сказать, почти подругой. Она искренне, даже слишком искренне поздравила, а под конец – ехидный прищур и улыбка: «Тебя всегда тянуло на экзотику».

Она была не права. Валентина во всем не похожи на Зару. Зара – большая крупная женщина, от нее прямо исходило ощущение доверия, теплое чувство уюта и надежности. Она даже подушку взбивала, как моя мать, – двумя сильными точными ударами. И вместе с тем – подспудное состояние зависимости. Хотелось вырваться из-под мягкой, но неизбежной опеки.

С Валентиной иначе – мне льстила ее беззащитность. В большом и незнакомом мире она могла рассчитывать на помощь любого человека, но рядом с ней оказался я и стал для нее опорой. Потом она привыкла, даже слишком быстро.

Иногда я ловил себя на мысли, что уговорил ее рвануть на Марс только для того, чтобы продлить крошечное свое превосходство. Но уже тогда что-то пошло не в лад.

Воспоминания были прерваны сильным толчком. Двигатель запел, машину кинуло вперед. Я отлетел к заднему борту. Прокеш, держась за поручень, протянул свободную руку и помог встать.

– Кажется, приехали, – сказал он.

Темная стена леса надвинулась почти вплотную, но мы еще не были в джунглях. Остановились на опушке, в нескольких метрах от переплетения стволов, лиан и ветвей.

– Что случилось? – спросил я Романенко. Водитель поднял машину и повел ее вдоль зарослей.

– Чуть в нору не провалились, – наконец сказал водитель, – продавили свод, еле успел поднять.

Прокеш поднес к глазам ночной прицел.

– Что это за кузнечики? – спросил он.

Я взял с пола свою «лейку» и посмотрел на дисплей. На темном фоне еле заметные тонкие черточки деревьев, а вот еще белые точки, подскакивая, быстро вырастают в размерах. За нами гонятся.

– Внимание, – сказал Романенко, – в случае чего бейте сразу. Купол не поднимать! Купол не под...

Одна из догоняющих белых теней прыгнула и обрушилась на машину. В какое-то мгновение я успел разглядеть жуткие красные глаза и огромные зубы. Машину кинуло в сторону, завертело. «Шпок, шпок» – дважды полыхнула «лейка» Прокеша. Я поймал в прицел высо-

чившую из-под машины тушу, нажал на кнопку. Еще несколько раз выстрелил Прокеш, я тоже один раз. Кажется, попал. Через минуту наша платформа была завалена грудями дымящегося мяса. Купол похож на решето из-за дыр с оплавленными краями.

– Валлона бы сюда, – вдруг сказал Романенко.

– Да, неаппетитно.

– Что это за монстры? – спросил Прокеш.

– Кролики.

Прокеш недоверчиво посмотрел на меня.

– Это что-то вроде анекдота?

– Попадете ему на зуб – сжует быстрее, чем успеете произнести слово «анекдот», – обрадовал его водитель. – Вот у нас однажды...

Он не успел договорить, как на пульте мигнул вызов и голос Галайды произнес: «Отбой, всем отбой. Нашлись».

– Вот так! – наставительно сказал Романенко. – Заигрались, наверно, на терриконах. Там в глыбах можно весь день прятаться, не найдет никто. А родители сидят!

Узоры на потолке струились, обтекали выступы кондиционера, перемешивались, усыпляли, навевая приятные мысли о том, что все хорошо...

– Уговорил он тебя возвращаться? – спросила Валентина. Я думал, она давно спит.

– Не до разговоров было.

– Да-а? – недоверчиво протянула она. – Темная личность!

– Кто? – удивился я.

– Прокеш твой – темная личность!

– Не понимаю.

– И я не понимаю. Вот ты – монтажник. Я преподаю историю. А он? Чем он занимается?

– Ах, вот оно что! – выдохнул я. – Он же эксперт.

– В какой области?

«Действительно», – подумал я и тут вспомнил его слова: «Экспертом учцентра я стал позавчера, после вашего возвращения». Или что-то в этом роде. Где же он работал до исчезновения? Спросить прямо – неудобно и незтично.

– Он и психолог, и историк, и физик. Как он тогда разделал Покровского! Знаем мы таких экспертов!

– Что ты имеешь в виду? – Я удивился неприязни, прозвучавшей в ее голосе.

– Сыщик он!

– Э-э...

– Ну, следит за нами, за мной...

– Не понимаю!

– Зато я понимаю! У нас в общежитии однажды белье пропало, приходил такой один добрый, тоже шутил, улыбался, а через день Шуру Мирошниченко в угро повели. А потом узнали, что кастелянша сама белье украла и продала на толкучке.

Некоторое время я не соображал, о чем говорит моя жена. Потом дошло, что ее не очень приятные воспоминания ассоциируются с Прокешем, кого-то он ей напоминает. Из тех времен.

– Вряд ли Прокеш имеет отношение к пропаже белья, – осторожно пошутил я, но она уже отвернулась к стене.

Поговорили! Лучше бы молчали. Нехорошие слова она говорила, отдавали они какой-то духотой, спертостью и пылью.

Светящиеся линии на потолке медленно таяли, а я все не засыпал. Валентина в последнее время все чаще и чаще молчит, и все дольше тянутся полосы молчания. С Прокешем действительно странно получается. Столько лет знакомы, а практически ничего о нем не знаю.

Был у нас небольшой разговор после рейда. Он спросил, не связывались ли со мной из Института, приезжали ли на Красную Лыков или Коробов, а как насчет видеоконтактов, часто ли, и все это с многочисленными извинениями. Не люблю неясности. Не люблю бестактности, причем больше, чем неясности. Если можно промолчать, лучше промолчу. Но все-таки завтра обязательно спрошу его.

С этими мыслями я заснул.

Утром жену не застал – учебный ярус начинает работу рано.

Вроде бы я выспался, но самочувствие неважное. И сны какие-то странные. Я шел по коридору и вспоминал сон. Будто я нахожусь в огромном помещении, обшитом длинными, широкими, плохо обструганными досками. Я бегу по наклонному полу к дверям, спотыкаюсь о неровности, падаю, снова бегу. Вдоль стен громоздкие машины, устройства, соединенные друг с другом трубами, на длинном ряду стульев сидят люди. Среди них Прокеш, он и указывает мне на свободное место рядом с ним. Но под сиденьем в темноте светятся волчьи глаза, и я не понимаю, существуют ли эти странные машины, или они сняты наяву волчице. Бегу к выходу, там стоит Валентина и подзывает меня, а в открытую дверь видно голубое небо, белые облака, зеленая листва, я бегу к ней, спотыкаюсь, падаю на спину и не могу подняться. Потолок огромного зала мне кажется небом – воздух, облака, птицы. Но вот я замечаю, что это такие же доски, что и на полу, аляповато раскрашенные облака, видны рейки, которыми они сбиты, а на вырезанных из досок облаках грубо намалеваны птицы. Я вскакиваю и снова бегу.

Проснулся я с болью в ногах, словно всю ночь действительно бежал по деревянному полу.

В шахте все было в порядке, то есть в пятьдесят шестом штреке опять просела порода, где-то исчезла сцепка, до сих пор ищут, и так далее.

Марченко попросил усилить вентиляцию второго горизонта. Потом мрачно сказал, что Танеев решил отправить сына на Землю к родственникам. Сын ревет, мать кричит, что в таком случае и она собирает вещи, а Михаил рычит на нее, что живой сын на Зеленой лучше, чем съеденный кроликами здесь, что касается сбора вещей, то и славно, всей семьей и отчаял, хватит, накопили добра на всю жизнь, а сертификат и внукам не вычерпать. Они пригласили Марченко рассудить их. Рассуждали до утра.

– Где прятались-то детишки? – спросил кто-то.

– В терриконах заигрались, – зевнув, сообщил Марченко. Потянулся и замер в кресле, глядя на верхний ряд терминалов.

– Мендоса, давай продувку, – сипло сказал он, – перегрев!

Начинался рабочий день. Нет, на монтаже все-таки проще. Ведешь потихоньку стаю манипуляторов, следишь, чтоб тебя случайно не задели, монтируешь фермы и балки, варишь пластины, а из смежного сегмента сосед помигает, а ты ему помигаешь в ответ, чтоб не забивать рабочую частоту посторонними разговорами. Хорошо... Скорее бы вернуться на монтаж!

После работы, не заходя домой, я пошел в Управление, Прокеш ждал меня у Галайды. Старик кивнул на кресло и предложил чайку, но я развел руками и показал на часы.

– Валентина женщина серьезная! – сказал Галайда Прокешу. – Ну, перед отъездом зайди, я Карелу ягод обещал, возьми коробку.

В коридоре Прокеш повертел головой, глянул на указательные транспаранты и спросил:

– Где бы нам присесть?

– Можно ко мне.

Он покачал головой.

– Я обязательно зайду попрощаться с Валентиной Максимовной. Но сейчас мне хотелось бы поговорить с тобой.

– Тогда наверх.

У лифтов толпился народ. Пять кабин с трудом вмещали идущих на смену. Мы переглянулись и пошли по винтовому пандусу. Минут через десять оказались наверху.

В Каньон идти недалеко, да и там много гуляющих, дети катаются на змеях, парочки... Я провел его тропинкой к ближайшему террикону. Уселся на глыбу, а Прокеш сел рядом.

Раньше измельченную породу просто высыпали на поверхность, ветры разносили ее по всей планете. Лет тридцать назад, рассказывают, экологисты подняли большой шум, и теперь эту труху опрыскивают адгезиантами. Со временем порода цементируется, разваливается на большие глыбы, и аккуратные пирамиды превращаются в кошмар геометра. Сплошные сечения.

Ветер тихо выл разными голосами в щелях и трещинах. Прокеш молча смотрел себе под ноги.

– Вы давно знакомы с управителем? – спросил я.

– Десять лет, – ответил он и снова замолчал.

– Вы знаете, – сказал я, пытаясь улыбнуться, – жена интересовалась вашей специальностью, а я не сумел ей объяснить.

– Да-да, – покачал он головой, – со специальностью у меня все в порядке.

Наконец он поднял глаза и улыбнулся:

– Ее у меня просто нет. В твоём понимании. Лет пять назад я был писателем. Почему ты так смотришь? Писателем! Довольно известным. Я и сейчас писатель, хотя за пять лет ничего... Ну, не важно.

– Но вы же эксперт!

– Правильно! В Сеть пришел запрос на эксперта по известной ситуации. В одной из групп были названы трое: Миронов, я и тот, с усами. Критерии Сети мне неизвестны.

– Я... Я не знал.

– А ты не спрашивал. Хочешь, дам список моих текстов?

– Спасибо.

Мы сидели молча. Ветер усилился, теплая плотная масса воздуха давила, спихивала с камня, запахи лимонов, яблок и еще чего-то приятного иногда сменялись йодистым запахом гниющих водорослей, правда, ненадолго. Я хотел сказать Прокешу, что засиживаться сейчас не стоит: час-два на воздухе – и превращаешься в разлаженный речевой генератор.

И еще хотелось сказать ему, что здесь мне хорошо. А с женой уладится, когда нам разрешат ребенка, если не в этом году, то в будущем обязательно. Генконтроль советует подождать, окончательного запрета нет, но у аллергологов какие-то сомнения. И еще – проблемы проблемами, но Валентине сильно надоело ненавязчивое любопытство и тактичный интерес к ее персоне. А здесь наконец она почувствовала себя равной среди равных, без скидок. Слишком много на Земле было встреч с разными людьми, и каждый раз тщательно скрываемое любопытство легко читалось в глазах и раздражало.

Но я молчал – все эти позывы к откровенности из-запряного ветра. Что мне делать на Земле? Если почти за шесть лет ничего не смогли понять и разобраться, то к чему заново перебирать версии, предположения, гипотезы? Помню, я захлебывался от восторга! Как же, такая честь! Тогда возникло почти забытое сейчас тайное ощущение, что я не просто в эпицентре событий, но сам являюсь их причиной.

Казалось, вот-вот – откроются небывалые горизонты, начнутся немного жутковатые, но веселые приключения... Но ничего не произошло. Разошлись, разъехались, группы распались, кто женился, у кого пошли дети, у кого не пошли.

Загадки, правда, остались! Но если специалисты не разобрались, что могу я? Хотя, конечно, обидно. То Событие оставило во мне глубокий след. Я понимал, что соваться не в свои дела – значит наносить вред и себе, и делам. Вот, скажем, придет ко мне Покровский и начнет советовать, как вести монтаж релейных отражателей. При всем уважении к нему я приму советы к сведению лишь в том случае, если буду знать, что он, Покровский, окончил курсы монтажников не далее чем два или три года назад. Я же помалкивал, когда он на моих глазах лепил темпоральную физику, хотя, не будь меня, еще неизвестно, произошло бы Событие с кем-либо другим.

Прокеш рассеянно водил пальцем по темной глыбе. Посмотрел на палец, привстал и оглядел себя.

– Не пачкает, – сказал я, – если не ерзать. Он хмыкнул и снова сел.

– Ты меня так и не спросил, зачем я прилетел на Марс.

«Зачем спрашивать, если сам скажет», – подумал я.

– Отвечаю, – продолжил он, – из-за тебя. Ты нужен на Земле. Покровский создал новую группу и возится с большими энергиями. Но не они меня беспокоят.

– При чем здесь я?

– Не знаю, честно – не знаю! Мне кажется, твое место там, а не здесь. Кому, как не тебе, надо быть в курсе всех дел, связанных с происшествием!

– Мало ли кто чем занимается. Вам-то какая забота?

Он схватился за виски, застонал, опустил руки.

– Ты знаешь, – сказал он, – я еще остаюсь экспертом по всему этому. – Он пошевелил пальцами, точь-в-точь как в те времена. – Статус эксперта до сих пор не элиминирован. Таким образом, мой интерес оправдан. Но дело не в этом. Я стараюсь не упускать из виду всех участников происшествия. Это не просто интерес писателя. Меня не покидает ощущение, что события продолжают развиваться, а внезапным и необъяснимым появлением этой тройки происшествие не исчерпывается. Непонятен смысл происшествия. Опять голова начинает болеть...

– Это релаксатор с непривычки так действует.

– Да, меня предупреждали. И ведь не выключишь никак.

Он замолчал надолго.

– Как поживает Лыков? – спросил я.

– Неплохо. Занимается видеопластикой, есть очень интересные композиции. Я рад, что Валентина Максимовна акклиматизировалась. А Коробов молодец! За два года сдал школьную программу, за три – высшую и теперь занимается физикой виртуальных спектров. С группой Покровского не связан, работает самостоятельно. Рассказывал мне о своих занятиях, показывал забавные вещи. Он-то меня и беспокоит больше всех. Коробов грозился превратить темпоральную физику из свалки умозрительных концепций в точную науку. У него лаборатория в Кедровске, я там частенько бываю. Кстати, мой друг Сема Нечипоренко тоже там работает. Красивые места – горы, тайга, реки, никакой кролик не опасен.

Он долго расписывал красоты тех мест. Постепенно я стал понимать, что все эти годы он пристальное внимание уделял Жене Коробову, а теперь ему вдруг понадобился помощник. Но какая ему нужна помощь, в чем? Судя по всему, он и сам не знал.

– Ну и пусть себе Женя занимается темпоральной физикой. Что в этом плохого?

– Возможно, ничего плохого, – отозвался Прокеш. – Но мне почему-то страшно.

Глава третья

От Еревана до Базмашена две минуты на воздушке, но я сел на колесный рейсовик и вскоре любовался цветущими абрикосовыми садами на террасах, опоясывающих склоны. Местами тянулись длинные каменистые проплешины, до сих пор невозделанные.

Рейсовик начал притормаживать. Сидящий рядом мужчина развернул кресло от окна и спросил:

– Вы не знаете, как добраться до Заповедника?

– Сразу после Базмашена. Я сойду, а вы минут через пять, на развилке. Остановка «Памятник».

– Спасибо! – Он придержал сползающий с колен пакет.

Его ладони и запястья были в мелких порезах – еле заметных и свежих. Он заметил мое удивление и улыбнулся.

– Недавно у меня был день рождения, – пояснил он, – я хотел котенка завести. Вот теща и подарила.

– Сердитый котенок?

– Котенок! – вздохнул он. – Теща у меня человек добрый, щедрый. Если уж дарит, то не меньше дюжины. И все пищат, царапаются, извините, гадят! Хотел часть раздарить, но жена взвилась – мама, говорит, обидится.

Собеседник махнул рукой и замолчал.

Я предложил любителю кошек ответить теще сотней попугайчиков или канареек, он рассмеялся.

Показались розовые и серые дома Базмашена, окутанные белой дымкой цветущих садов.

Отца дома не было. Мать тоже еще не прилетела. Бабушка чмокнула в щеку и заторопилась в детскую, к младшему правнуку. Я пошел за ней. Завидев меня, малыш загукал. Я достал мигающую разноцветными огоньками погремушку и вручил племяннику.

Другой племянник, Саркис, в гостиную жевал сырные палочки. Рядом сидела Кнарик. Она кивнула мне, поднялась и пошла наверх. «Что-то случилось», – подумал я, идя следом.

Наверху она села на подоконник, вздохнула и сказала: – Саркис не попал в третий разряд. С математикой плохо.

– Он же прекрасно сдавал все тесты! – удивился я.

– Да... его даже похвалили, но реакции замедленные. Сказали, в старших классах перестают. Только не верю я.

– Ну, четвертый разряд тоже неплохо. Я учился в четвертом разряде и, как видишь, ничего.

Сама она училась в школе третьего разряда и была гордостью семьи. Ей прочили блестящее будущее, и она с блеском оправдывала ожидания. Сейчас она ведущий специалист сектора, мать уверяет, что через пять-шесть лет она станет координатором отрасли, если не будет торопиться с третьим ребенком.

Хоть меня и помотало по школам, в своем разряде я сидел плотно. В высшие разряды не тянулся, а низших не боялся. Слабо представлял, что делается в других разрядах: круг общения замыкался на свою классную компанию, а до остальных и дела нет! Школьные городки так хитро разбросаны по всем управительствам, что разряды редко пересекаются, разве что случайно во время каникул. А в старших классах мы уже понимали, что каждому – свое место, иначе начнется некомпетентная чехарда и вселенский микст, да такой, что за сто лет не разгребешь!

Находились и любители транспьютерных розыгрышей. В старших классах у девочек считалось хорошим тоном завязывать трансконтакт, обмениваться посланиями, а потом гадать, кто с кем контактит. Ну а мы, младшеклассники, резвились и мешали старшим. Я, помнится, составил несколько роскошных смерш-программ, а однажды случайно вывел из строя школьный транс на сутки.

Учитель тогда настойчиво выпытывал, давно ли я увлекаюсь деструктивным программированием и не состою ли в движении «2+2». Я не понял, что он имел в виду, и он оставил меня в покое.

Много лет спустя я узнал, что Совет Попечителей тогда весьма был обеспокоен анти-сетевыми увлечениями среди младших разрядов. Вскоре это рассосалось, в низших разрядах просто сняли обязательные курсы по транспьютерике и оставили только факультативы. И те, кому транс были не по душе или не по способностям, перестали комплексовать.

Досада Кнарик была не из-за того, что Саркис попал в четвертый разряд, в «золотую норму», а то, что туда попал именно ее сын.

Римма, например, ходила в школу пятого разряда и ущербной себя не чувствовала. Мать пыталась в свое время устроить ей переаттестацию, но Римму невозможно убедить в чем-либо, если она упрется. В те годы она часто прилетала в Прагу. Однажды, гуляя по Карлову мосту, я затеял разговор о будущем. Ее не огорчало, что высшие курсы практически недоступны. «Кашляла я на курсы», – заявила она, а на мою тираду о смысле жизни ответила, что все эти разговорчики есть толчение воды в ступе и ловля ветра в кармане, а смысл ее жизни в том, чтобы через три года выйти замуж за одноклассника Баграта и родить столько детей, сколько разрешат. Так оно и вышло.

Бабушка позвала к столу. Отец молча хлопнул меня по плечу и сел за стол. Потом я и Кнарик. Саркиса бабушка отослала в детскую, она не любила, когда дети сидели за столом со взрослыми.

После обеда мы с отцом вышли в сад. Я заметил, что у большой яблони врыта новая скамейка с резной спинкой. Отец в свободное время немного резал по дереву. Правда, свободного времени у него было всегда мало. Иногда, по праздникам и воскресеньям, он вдруг доставал инструмент, выбирал на чердаке сухую деревяшку и корпел над ней с утра до вечера. И никогда не успевал довести до конца. Я любил смотреть, как он работает, как вьется тонкая стружка, но и у меня было много забот, я так и не научился резать по дереву.

– Вчера тебя искала Валентина. Два раза на связь выходила. В городе не застала.

– Ага-а, – протянул я, садясь рядом. – Ну, как она там?

– Ты меня спрашиваешь? – кротко удивился отец.

– Э-э... – замылся я, – давно не видел, все дела...

Отец нагнулся, подобрал с земли щепку, повертел в руке. Я смотрел на его не очень гладко выбритый подбородок, сетку морщин у глаз и седые виски. В каждый приезд я приглядываюсь к нему.

Стареет отец. Если раньше месяц или год для меня пролетали незамеченными, то сейчас начал замечать движение времени.

– Вы бы решили, как дальше жить будете, – сказал он.

Я пожал плечами, что было не очень тактично.

Много я мог ему сказать, но не хотел. Не получилось у нас с Валентиной и не получится уже теперь. После визита Прокеша на Марс я проработал там еще два года. Характер Валентины менялся, все реже и реже я видел ее веселой, она болезненно воспринимала любое замечание в свой адрес. Ссор и скандалов не было, она наглухо замыкалась. Общение сводилось к односложным ответам.

Но первый большой разговор у нас состоялся только через год после отлета Прокеша.

К этому времени монтажников снова вернули на стройку. А на меня вдруг навалилась усталость. Она сидела во мне и лениво шевелила пальчиками. Ничего не хотелось делать. Ходил на работу, ел, спал.

Словно из бумаги вырезанный, плоский, скучный, к стеклу приплюснутый. Сказал об этом как-то Валентине, а в ответ услышал, что все мы усталые. Потом добавила, что «все вы запутались» и теперь «тупо перевариваете пищу». И что давно она не видела в людях энтузиазма, все спокойные и рассудительные до отвращения, словно релаксатор промыл нам мозги. На это я спокойно и рассудительно возразил, что специалистам энтузиазм противопоказан. Кроме, разумеется, мотиваторов, этих профессиональных энтузиастов. Неспециалисту энтузиазм уместен в личных делах, а то, скажем, придешь ты ко мне на площадку и с ходу поведешь десятка два манипуляторов на третьем ярусе – метрах в двухстах от поверхности. Или я ввалюсь к тебе на урок, отодвину в сторону и начну излагать ученикам свои соображения о всяких там скифах. Валентина за скифов обиделась – еще одна причина для долгого молчания.

Стал чаще выходить на связь Прокеш. После моих излияний он сказал, что и ему иногда хочется бросить все и тупо валяться на траве, попивая в меру охлажденное пиво. Вполне меня понимает, добавил он, у него бывали творческие ступоры, тогда спасала перемена обстановки. Однажды с сыном махнул в Калахари... Он тогда замолк, а я удивился. Я не знал, что у него есть сын. «Был», – тихо ответил он и свернул разговор на другую тему.

Время шло, и я постепенно созрел для возвращения. Сертификат освоенца я давно отработал, и на счету у меня было столько, что и пятерым за сто лет не проесть. Многие знакомые разъехались. На их места рвались сотни добровольцев. Жена, узнав, что на наши места выстроилась очередь, рассказала мне древнюю историю о каких-то вербовщиках, но я не понял, к чему это.

Как-то Миша Танеев предложил мне встряхнуться. И мы устроили небольшой вояж на свободной машине до Гранитного массива. С канистрой слабенького местного пива.

Темно-серые скалы чем-то напомнили мне столбчатые базальты. Скальная гряда заворачивала к пустоши Веллера. Отсюда были видны темные проемы в сером камне – входные шлюзы. Там, глубоко внизу, неумоимо трудятся батареи калифорнийских накопителей. Раз в неделю приходят топливные платформы и развозят груз по реакторам и стартовым площадкам.

Разговор с Мишей был долгим. У него что-то не ладилось с сыном, да и в бригаде возникли трения. Я заговорил о возвращении. Он не удивился. Покивал головой, хмыкнул раз, хмыкнул два, спросил, что думает по этому поводу Валентина. Тогда уже хмыкнул я. На мой осторожный вопрос, собирается ли он когда-либо вернуться на Зеленую, Миша хлопнул могучей рукой по колену и засмеялся: «Да никогда!»

А потом добавил: «Здесь я человек!»

Валентина отказалась наотрез. И мне, сказала она, следовало бы остаться на Красной. Так что теперь она там, а я нет.

На веранду вышла бабушка, приложила ладонь к глазам. Увидела меня и позвала к терминалу. «Валентина!» – екнуло под сердцем. Но у терминала я разочарованно вздохнул – меня вызывал Прокеш. У него было осунувшееся лицо, усталое.

– Ты не можешь вылететь в Кедровск? – спросил он вместо приветствия.

– Вот так сразу и вылететь? – буркнул я и тут же сообразил, что Кедровск – это Институт фундаментальных исследований, а Институт – это Коробов. – Что-то стряслось?

– Стряслось, – кивнул Прокеш. – Ты нужен здесь и сейчас.

– Хорошо. Через полчаса.

Изображение дернулось и пропало. Дом плавно качнуло, где-то тонко зазвенело стекло.

Землетрясение балла на четыре. Раз в год да тряхнет. Изображение снова появилось.
– У нас тут небольшое землетрясение. Если задержусь, то ненадолго.

Он кивнул и отключился. Ладно, подумал я, через час буду там, все узнаю.

Через час я не был в Кедровске, не был и через два.

Я встал и в тот же миг услышал далекий гул и треск. Повторный сейсм? Но дом стоял неподвижно.

Вышел на веранду. Там бабушка разговаривала с отцом.

– Балла четыре, – сказал отец. – Или чуть больше.

– Я не почувствовала, – ответила бабушка. – Меня и так каждый час качает, в ногах силы уже нет.

– Грохот слышали? – спросил я.

– Похоже, обвал в горах... – начал было отец, но вдруг настороженно замер. – Экстренный вызов, – пробормотал он и заторопился в дом. Я последовал за ним к терминалу.

Начальник спасателей, высокий седой мужчина, держал в руках планшет с картой Заповедника. На карте ползли огоньки, пересекались светящиеся линии. Начальник водил по карте пальцем и что-то негромко объяснял спасателю в ребристом черном комбинезоне. Затем поднял глаза и оглядел нас.

– Большое спасибо вам, – сказал он. – Есть среди вас водители манипуляторов?

Я подошел к нему.

– Горные работы? Зангезур?

– Марс. Монтаж.

Он кивнул.

– Ситуация сложная. Здесь была одна трещина... В общем, на дорогу ссыпалось несколько «карандашей».

Я поморщился – назвать базальтовые шестигранные многометровой толщины стволы карандашами! Раньше я часто навещал в заповедник столчатых базальтов, и, хоть был юношей веселого нрава, вид гигантских, на сотни метров тянущихся ввысь призм настраивал на серьезный лад. Казалось, что они неплотно пригнаны друг к другу, и достаточно малейшего звука, чтобы эти каменные персты скользнули вниз и вбили осквернителя тишины в прах.

– Пострадавших нет, – продолжал спасатель. – Сейчас зондируют обвал. Повалена энергомачта, обесточена зона отдыха. – Он замолчал и поднес коммуникатор к уху.

– Плохо, – сказал он. – Одного завалило. Посмотрите машины. Метров через десять, за поворотом, оказался трейлер со знакомыми сотовыми контейнерами. На боку выбит индекс и номер.

– Ага, – сказал я, – МГ-12. Горные манипуляторы.

– Справитесь? – тревожно спросил начальник спасателей. Ничего не говоря, я подошел к головному блоку и принялся свинчивать крышку гнезда ключей.

– Как они здесь оказались?

– Случайно, – ответил спасатель. – Их перевозили в Управление горных разработок. Перехватили на развилке, повезло.

Стержни ключей мягко вышли из гнезда, я один за другим ввел их соответственно номерам в размыкающие блоки контейнеров. Последний, самый длинный ключ я повертел на пальце и спросил, куда сваливать камни.

– К обочине, – ответил спасатель. – Не в реку же!

Я активизировал ведущий манипулятор. Приземистая длинная машина выползла из контейнера и мягко перебралась с трейлера на дорогу, поочередно раскрывая суставчатые конечности. Горные манипуляторы в отличие от наших «гекконов» имели другой набор наса-

док, и кабина в середине корпуса, а не на носу. Я влез в прозрачную полусферу, надвинул колпак и поочередно ввел пальцы в кольца сенсоров.

Люки контейнеров беззвучно распахнулись, одна за другой выбросились манипуляторы, развернулись и пошли за головной машиной. В экране заднего обзора – лобовые щитки ритмично перебирающих конечностями манипуляторов. Со стороны, наверно, впечатляет – темно-матовые, чуть приплюснутые уродины скользят по дороге жуткими ящерами. Мне они кажутся красивыми.

Через минуту мы оказались у завала. При виде нашей процессии кто-то из спасателей шарахнулся к обочине. Я подвел головную машину к глыбам. Манипулятор ухватил большую призму, оттащил и приставил к скале. Повторив два раза, я отвел машину в сторону. Манипуляторы несколько секунд координировались, разошлись веером и дружно набросились на груды камней! Я не вмешивался, только иногда, если какая-то из машин хватала неподъемный камень, помогал. Завал таял на глазах. Без манипуляторов здесь работы часа на два, а мы за двадцать минут растащили.

Показалось светлое пятно. Откинув колпак, я медленно вылез из кабины. Мимо пробежал врач, я пошел за ним. С трудом заставил себя взглянуть на пятно. Это была рука, зажатая двумя глыбами. Врач сидел на корточках и трогал ее. Я нагнулся. Странно. Белая как бумага ладонь, а чуть выше кисти – следы мелких порезов. Вспомнил попутчика, любителя кошек. «Теперь кошки останутся без хозяина», – подумал я. Какое невезение – оказаться в этом месте в этот миг.

– Ты все-таки уезжаешь? – спросила бабушка.

– Ненадолго. Может, завтра вернусь.

Хотя если Прокеш зовет приехать в выходной день, то вряд ли для того, чтобы поболтать о всякой всячине. Когда ему хочется общения, он возникает сам.

Отец проводил до остановки, спросил, были ли жертвы.

– Одного раздавило.

Он помрачнел. Из-за поворота выплыл рейсовик. Отец пробормотал: «Сообщи, если задержишься», – и пошел к дому. Я смотрел ему вслед. Мне захотелось вернуться. Давно у нас с отцом не было долгого, спокойного разговора. То он занят, то я молчу. Но был ли вообще у нас долгий разговор? Не помню...

Рейсовик зашипел и остановился, я влез и сел в свободное кресло. В ереванском узле взял маршрутку до Кедровска.

На месте я оказался утром следующего дня.

Красивое место. Лесистые горы. Цепь озер. Я хотел немного походить по городу, но тут со мной связался Прокеш и попросил, если нетрудно, прибыть в Институт как можно скорее.

Я понимал, что вызвал он из-за Коробова. Что-то произошло! Возможно, создана машина времени. Но я тут при чем? С удовольствием выслушаю еще несколько гипотез. Но оттого, что меня причастят к тайнствам темпоральной физики, помянутой физике лучше не станет. Мне, впрочем, тоже. Возможно, приглашают из вежливости – как-никак непосредственный свидетель и участник. А вдруг меня опять забросят в прошлое? Круг замкнется. Впрочем, рано или поздно все объяснится, оборванные концы свяжут, разбитое склеят. За небольшим исключением – Валентина. Наши отношения никакая машина времени не упростит. Все идет к тому, что я ее потеряю. Или уже потерял...

Коридоры в Институте прикладной фундаменталистики похожи на штреки – широкие, низкие, а ко всему еще через каждые десять метров вентиляционные колонки, похожие на крепеж.

Прокеш ждал меня на скамье у входа в сектор, рядом с вертушкой и мрачным мужчиной за пультом. Завидев меня, он встал, хлопнул по плечу и толкнул вертушку. Турникет не шевельнулся.

– Он со мной, – мягко сказал Прокеш, указывая на меня.

– Очень приятно, – отозвался мужчина. – А вы, извините, кто?

– Вы же меня знаете! Эксперт Прокеш.

Мужчина потыкал пальцем в сенсор.

– Сожалею, но вас нет в списке комиссии.

– Вчера еще я здесь свободно проходил, – вполголоса сказал Прокеш. – Странно. Сейчас у Нечипоренко выясним, в чем дело.

В коридорах было пусто. Суббота. Прокеш быстро шагал, поглядывая на указатели. Вдруг резко остановился, и я чуть не уперся носом ему в спину.

– Ты свободно вошел в Институт? Тебя никто не останавливал?

– Никто.

Он нахмурился и двинулся дальше. Вскоре мы оказались во внутреннем дворе, пересекли его и прошли сквозь перепонку со светящейся надписью «Отдел 264».

В узкой длинной комнате одну стену составляли зашторенные стеллажи. За столом сидел немолодой мужчина с бритой головой.

– Семен, – обратился к нему Прокеш, – почему меня не пускают в третий сектор?

Бритоголовый Семен посмотрел на меня, перевел взгляд на Прокеша и ласково спросил:

– А почему, Вацлав, тебя должны пускать? Ты же знаешь – при чрезвычайных обстоятельствах допуск некомпетентных лиц ограничивается до решения экспертной комиссии.

– Вот и прекрасно, друг мой. Я как раз эксперт.

– Нет.

– Что – нет?

– Вот уже... – Нечипоренко посмотрел на часы, – вот уже двадцать шесть минут, как ты не являешься экспертом.

– Интересно, очень интересно! – Прокеш не выглядел растерянным или огорченным. – В экспертах я действительно засиделся. До сих пор не пойму, как это Сеть выбрала меня среди прочих. Но почему не элиминировали сертификат эксперта, скажем, год назад? Или два?

Нечипоренко погладил свою голову, но ничего не сказал.

– Ну, теперь можно заниматься своими делами. Миссия эксперта меня, признаться, утомила, хотя я и не вполне представлял свои функции.

Он говорил, чуть скосив на меня глаза.

– Правда, я не понимаю, почему это случилось сейчас?

– Состав экспертной комиссии проводился по Сети. Ты не утвержден, экспертный сертификат элиминирован, и это все, что я знаю. Если хочешь, запроси региональный «базис». Через две-три недели выдадут обоснование.

По дороге в гостевой ярус Прокеш молчал. В комнате он предложил кресло, а сам уселся на диван.

– Вчера погиб Евгений Коробов, – сказал он.

Прокеш сцепил руки на животе и смотрел на меня.

«Первый», – мелькнула странная мысль. Евгения я помнил подростком. С тех пор не видел. Прокеш сказал, что в последний раз они встречались на прошлой неделе.

– Женя мне показался усталым, я бы сказал, напуганным. Он сам не понимал, каким образом добился переноса информации.

– Как он погиб?

– Упал с обрыва. Напоролся на ржавый прут. Пока хватились, пока нашли, в общем, было поздно! А я его уговаривал приехать к тебе, и Лыкова вытащили бы... Женья согласился, спрашивал, как до тебя добраться. Да-да. Я видел его установку и...

– У него осталась семья?

– Что? А, нет! Так, знакомые, а семьи не было. Кстати, почему ты не спрашиваешь, зачем я тебя вызвал?

И снова я промолчал. Почему я откладываю свои дела и лечу, мчусь по первому зову? В разговоре с ним свои дела кажутся малозначимыми, хотя он вроде ничего особенного не говорит. Когда-то я думал, что это отдушина от привычной работы, так сказать, прикосновение к великим делам. Работа у меня не рутинная, да и очарование тайнами и загадками прошло, но доверие к нему осталось. Даже сейчас, когда его выставили из экспертов, доверие он мне внушал большое. Он старше меня на двадцать лет, но не это главное.

– Не сегодня, так завтра меня попросят рассказать комиссии, что я знаю о несчастном случае, – сказал он и поднялся с места. – После этого заниматься выяснением обстоятельств будет неэтично. Вызовут обязательно, я одним из последних видел его. Я и Коновалов. Коновалов говорил... – Прокеш задумался.

– Ко-но-ва-лов! – отдельно произнес он. – Вот с кем мне нужно поговорить сейчас. Извини, минуточку!

Он прошел, вскоре вернулся и постучал пальцем по лбу:

– Очень быстро старею. Надо соображать сразу. Коновалова нет, вернется завтра или послезавтра. Уехал по делам.

– Можно подождать, – утешил я.

– Бессмысленно. Либо комиссия ухватится за него раньше, чем я, либо они вызовут меня. И то и другое плохо. Коновалов – спарринг-разработчик Евгения. Возможно, он знает... м-м...

Он замычал как от зубной боли.

Я плохо соображал, что происходит. Все-таки погиб человек. Тактичность, выдержка – все это уместно, конечно, но корбило, что Прокеша больше занимают какие-то проблемы, а не судьба юноши, глупо погибшего от ржавой железки. Исполнилось ли ему двадцать?

Между тем Прокеш все ходил по комнате, мурлыкал, причмокивал и, кажется, пару раз тихонько хрюкнул.

– Поговорю еще раз с Нечипоренко. Завтра или послезавтра. Понимаешь, Арам, нужно задать один вопрос. Вернее, два. Когда они задействовали эту проклятую ОС-12 и подключена ли она к единой сети? А знаешь, – он остановился и глаза его остекленели, – кажется, я знаю ответ! Коробов в конце концов добился, чтобы систему отдали ему. Причем с активаторами нейроглии. Он мне рассказывал. Новая концепция времени, вернее, новая интерпретация. Или, наоборот, старая концепция. Не знаю. На страшные сказки похоже. Половину я не понял, а в остальное не поверил. Проект «Дважды проснувшийся». Красиво звучит! Зондирование «сквозь мглу веков», как он говорил. А вот происшествие с тобой и остальными так и не смог объяснить. Обещал познакомить со своими записями. Запись меня сейчас очень интересует.

Он нахмурился, потрогал щеки.

– Не сообразил спросить, куда уехал Коновалов.

Прокеш набрал вызов.

– Извините за беспокойство тысячу раз, Ольга Ивановна. – Неожиданно у Прокеша прорезался сильный акцент. – Не смогли бы вы сказать, куда отправился уважаемый Алексей Маркович?

– Ну что вы! – заулыбалась Ольга Ивановна. – Какое беспокойство! Обещал вечером вернуться, но это вряд ли. Однажды вышел на минутку, а вернулся через неделю из Австралии.

– А где он сейчас? – спросил Прокеш без акцента.

– Ой, не знаю! – улыбнулась она. – Брысь вы! – прикрикнула она на кого-то внизу. Послышался разноголосый писк.

Прокеш поднял брови, а жена Коновалова рассмеялась.

– Котята шалят. Ходить боюсь, раздавлю случайно.

– Котята?

– Ага. Целых двенадцать штук!

В животе у меня екнуло, я подался вперед и спросил:

– Простите, Ольга Ивановна, котят подарила ваша мать?

– Ага! Только не мне, а Леше. Это он вам жаловался?

Я попятился и сел в кресло. Прокеш отключил связь и обернулся ко мне. Лицо его было мрачно.

– Ну, говори! – сказал он.

Глава четвертая

Дорога уходила в ложбину, а затем шла по холму. Узкая полоса тумана пересекала дорогу. От пассажирской площадки до Раменья километров пять. Или немного больше, сообщил юноша с удочкой, обосновавшийся у большого зацветшего пруда. На мокрой от росы траве рядом с ним лежал рюкзак. Рыболов внимательно следил не за поплавком, а за дорогой.

Очень хотелось спать, время – семь утра. Так рано, да еще в субботу, я не поднимался даже в освоенцах!

Всю эту неделю Прокеш гостил у нас в Базмашене. Он долго лазил по ущелью в районе обвала. Спускался по реке, теребил спасателей. Ничего! Пакета, который вез Коновалов, так и не нашел. Любой из обломков мог стереть инфоры в пыль. Потом предложил навестить Лыкова, и мы отправились к верховьям Волги.

С вершины холма открылся вид на Раменье. На взгорье неподалеку друг от друга стояли дома, собранные «под избу». Полукругом блестела внизу река, чуть дальше разливалось неширокое озеро, теряющееся в лесистых берегах.

– Красиво здесь, – вздохнул Прокеш.

– Красиво, – вежливо согласился я.

Мне город нравится больше. Наелся природы на Красной. Когда выжигали джунгли под ретрансляторы, только и ждали: сейчас или через минуту выпрыгнет или выползет на тебя зубастое, шипастое. Нет, в городе лучше. Идешь себе, никто с разговорами не лезет, и никаких теплых ветров, превращающих человека в разболтанную говорилку. В городе можно молчать, никого не обижая.

У третьего дома Прокеш остановился, пробормотал: «Кажется, здесь», – и несколько раз бухнул кулаком в дверь. Дверь беззвучно открылась.

В доме никого не было.

В первой комнате рядом с дверью к стене был прикреплен сук, толстый такой, с обрезками веток. На обрезках висела одежда. Вдоль стены громоздились ящики. Один из них был раскрыт, на полу лежали стопки инфоров. Во второй комнате у окна стоял терминал, рядом ошетинился сенсором модулятор. Большой модулятор, не любительский. Лыков всерьез занялся видеопластикой.

Прокеш придвинул к себе керамический сосуд.

– Молоко, – сказал он. – Интересно, что у них еще есть?

Я сел на диван. Неудобно хозяйничать в доме, если нет хозяина. Дверь открыта – значит, скоро придет. Прокеш влез в настенный фризер, достал банку без этикетки, повертел и сунул обратно.

– Говорил ему, что будем на выходные! Далеко он не ушел. – Прокеш задумался и добавил: – Надеюсь.

Вскоре на крыльце послышались голоса, хлопнула входная дверь.

В комнату вошли двое. Лыкова я узнал сразу: без бороды и усов, но острые глаза те же. Шрам над бровью. Второго я сначала не узнал, неказистый такой дед в зеленой куртке и в сапогах. Вспомнил, услышав пронзительный голос:

– Здравствуйте, гости!

Мотиватор Миронов собственной персоной. Я приободрился. Одно дело, когда идет непонятная кутерьма, и совершенно другое, если в ней крутятся лица значительные. От этого, правда, понятнее не становится, но все же приятно. Душу греет, как говаривал Амаяк. Встречу, например, завтра на проспекте моего старого знакомого Амаяка с девушками и, между прочим, расскажу: ловили, мол, рыбу с одним мотиватором. Впрочем, если и встречу, то скорее всего буду отмалчиваться. Девушкам это нравится. Амаяк за двоих наговорит.

Лыков пожал нам руки, скинул мокрый мешок в угол. Мешок зашевелился. Миронов отцепил от пояса связку больших рыбин.

– Ухой кормить буду! – пообещал Кузьма.

Прокеш плотоядно облизнулся.

Пока чистили рыбу, он рассказал о последних событиях. Узнав о смерти Коробова, Лыков насупился и спросил:

– А что, мне сообщить не могли?

Прокеш опустил глаза. Я не понял, в чем дело. Заметив мое недоумение, Миронов нагнулся ко мне и тихо сказал:

– Видите ли, молодой человек, не так давно было принято оповещать о смерти не только членов семьи, но и всех знакомых. Теперь это считается нетактичным. Ох уж эта корректность!

Миронов явно сердился. Зря. Спешить с черной вестью – это слишком!

Уха получилась вкусная. На что я рыбу не люблю – и то попробовал из вежливости литку-другую – не заметил, как съел две тарелки. Прокеш ел и говорил синхронно.

– Мне кое-что удалось выяснить! – вещал он. – Я успел поговорить с соседями Коробова по ярусу. Тут меня пригласили на комиссию, и моя активность в Кедровске увяла.

Это точно. Вел он себя там безобразно. Все-таки трагедия, даже две трагедии, а он бежал по всему городу и выпрашивал.

– Я выяснил, что Евгений отдал записи Коновалову с просьбой передать их мне. В случае если не найдет меня – через Арама. – Прокеш ткнул в мою сторону литкой: – Меня он не нашел. Ни в лаборатории, ни дома у Коробова регистрационные инфоры не были обнаружены.

– Вам это ничего не напоминает? – спросил Миронов.

– Пока нет, – отозвался Прокеш.

– Сорок лет назад Томас Финлеттер был найден в своей лаборатории мертвым. Все записи и протокольные материалы исчезли.

– Точно! – вскинул руки Прокеш. – Я знаком с историей великих открытий в биологии. Но Финлеттер был тяжело и неизлечимо болен, он уничтожил материалы и себя в остром приступе депрессии. Полоса неудач и так далее... Действительно, у Евгения было подавленное настроение, но неудачи ни при чем. У него как раз получалось!

– Тогда почему он обратился не в ученый совет, а к вам?

– Не знаю. Мало того, совершенно непонятно, почему коммуникации транспьютерных блоков разъединены. Серьезное нарушение правил и инструкций, но, очевидно, у Коробова были основания.

– Основания? – саркастически произнес Миронов. – Мне хотелось бы знать, а какие у вас основания возиться с этим происшествием столько лет? И кстати, как вы стали экспертом?

– В самом деле, странно! – сказал Лыков, протягивая руку за хлебом. – Есть же компетентные органы. Если каждый будет заниматься не своим делом...

Миронов засмеялся.

– Какие органы ты имеешь в виду?

– Ну, как это – какие? – развел руками Лыков. – Кто-то должен ведь расследовать и предотвращать. Я знаю, сейчас нет милиции и тому подобного, но есть, по-видимому, организации, учреждения, где занимаются всем этим.

– Чем? – спросил Прокеш.

– Знаете, – рассердился Кузьма, – я вам не какой-нибудь неандерталец! В структуре общества более-менее разбираюсь и в истории покопался. Но в такой толще лет мог и проглядеть.

– Извини, Кузьма. – Миронов вздохнул и потрогал короткие жесткие усы. – Все не так просто. Я имею в виду не органы, – хмыкнул он, – их действительно нет, в том смысле, который ты подразумеваешь. Общество достаточно организовано и самоуправяемо, чтобы не допустить эксцессов. А после Большого Этического Конкордата... В общем, если что-то происходит, возникают комиссии и назначаются эксперты. Принимаются решения, а управители разных уровней их приводят в исполнение.

– В наше время тоже приводили в исполнение, – хмыкнул Кузьма. – Правда, экспертов вроде не было.

– Сейчас экспертов хватает. Вроде этого! – И Миронов ткнул пальцем в сторону Прокеша.

Прокеша неприличный жест мотиватора не обидел. Добродушно рассмеявшись, он привычно сцепил пальцы на животе.

– Вот вы и ошиблись, Виктор Тимофеевич, – сказал он. – Я уже неделю как не эксперт.

– Тем более не вижу причин для вашей суеты!

Прокеш только улыбнулся в ответ.

Доели уху. Я помог Лыкову собрать посуду. Подошел к окну – отсюда была видна дорога в лес. За моей спиной Миронов и Прокеш долго и однообразно рассуждали о дилетантах, сующих не в меру длинный и сопливый нос в высоковольтный распределитель. С сомнением отзывались о системе перекрестной координации экспертных комиссий, поминали к месту и не к месту Конкордат, а Прокеш с надрывом говорил о своем уважении к основам Конкордата.

Потом Миронов вдруг раздраженно спросил, почему во все эти сомнительные с научной и этической стороны игры ума и утех воображения втягивается молодой человек? Тут за моей спиной раздался грохот. Обернувшись, я увидел расстроенного Прокеша, разглядывающего обломки керамического блюда.

– Какой я неловкий, – сказал он.

– Ничего, – успокоил его Лыков, – глины много. Еще сделаю.

Мы собрали осколки и вышли во двор. Ссыпали черепки в металлический бак и уселись на скамейку.

Во времена Происшествия Лыков носил растрепанную рыжую бороду. Он старше меня на год или на два, но тогда показался стариком. Мы частенько встречались на комиссиях, эксперты терзали нас порознь и вместе, а после очередной попытки воспроизвести Происшествие он сбрил бороду. Потом я стал больше времени проводить с Валентиной, Кузьма воспринял это без восторга, хотя и откровенного неудовольствия не проявил. Однако на свадьбу не приехал, сослался на болезнь, поздравил и прислал видеопласт «Падение кленовых листьев в лесное озеро». Видеопласт мне понравился, Валентине не очень. А Римма пришла в восторг и ходила кругами до тех пор, пока Валентина не отдала ей пласт.

– Ты все там же работаешь, в Институте педагогики?

– Нет, в Учебном Центре. К своим ближе, да и... вообще.

– Эх, выберусь я как-нибудь в Ереван, – мечтательно произнес Лыков. – Ни разу не был!

– Почему «как-нибудь»? – удивился я. – Махнули сейчас!

Я принялся расписывать Кузьме, как роскошно мы проведем остаток выходных дней. Лыков чесал подбородок, кричал, причмокивал, потом виновато сказал, что он бы с удовольствием, но не может сразу взять и сорваться с места.

– Понимаешь, никак не привыкну к скоростям. Слишком все быстро, ничего не разглядишь.

Хороший человек Кузьма Лыков. Симпатичный. И я не люблю суматошного метания и прыжков с континента на континент, и мне нравится бездумно разглядывать медленную смену гор, долин и рек, нравится спокойное чередование красок.

Не люблю переездов. Мне три или четыре года было, когда из одной промзоны мы перебирались в другую. Транспорт должен был прийти ночью. Вещи уже собраны, а в это время мне полагалось спать. В углу расстелили что-то мягкое, повесили на шнуре одежду, чтобы свет не бил в глаза, и уложили меня. Я знал, что, если засну, меня неминуемо забудут, и я проснусь один в пустой страшной квартире. И когда снаружи донесся гул грузовоза, я вскочил, оборвал шнур и с ревом вцепился в отца. Детские страхи забылись, но осталось досадное чувство непонятной оставленности.

Из окна доносились голоса Прокеша и Миронова, потом они вдруг замолчали, неожиданно донесся еще один голос, и затренькали звоночки новостей часа.

– Терминал включили, – сказал Лыков, встал, потянулся и снова сел. – Знаешь, Арам, я сначала долго маялся, думал, дезертир я, ну, понимаешь, сбежал вроде от своих. Они там, понимаешь, а я здесь прохлаждаюсь. С другой стороны, из избы никто бы не ушел, а я уж точно. Выходит, я вроде не пропал без вести, а пал в бою. Геройски погиб. А здесь я вроде на том свете. В раю. Хотя на рай совсем непохоже. Недавно стыд меня прошиб. Предложи мне сейчас назад вернуться – ох, затряслись бы поджилочки! Там не боялся: один не уйду, за собой фашиста уволоку, а сейчас страшно стало. Знать, что после меня случится, и снова назад? Я ведь себя беречь начну, лихости не будет, а без лихости первая же пуля найдет!

Он немного помолчал.

– И с недобитком этим, Хевельтом, запутались. Я же ему мозги напрочь вышиб, а получается – выжил, стервец, мемуары кропает. Как же так, а? Недавно Тимофеич раскопал списки моего отряда, нашел воспоминания нашего комиссара. Глубоко копнул Тимофеич, архив большой перерыл, вон, копии инфоров в ящиках, видел? И значусь я там пропавшим без вести, вот так! Все же был я на самом деле!

Вдали из-за поворота на дороге появилась медленно движущаяся точка. Кто-то шел к домам.

– Где вы там? – высунулся в окно Миронов. – Быстро сюда!

Прокеш сидел перед терминалом, а Виктор Тимофеевич за столом, барабанил по столешнице всеми пальцами. На экране сияющий Управитель Тоноян размахивал инфором с зеленой каймой глобальных разработок.

– Абсолютное большинство в Совете Управителей за проект! – Возбужденный голос комментатора бил по ушам. – Первый шаг в Большой Космос! Самый грандиозный проект за всю историю человечества!

Комментатор исходил восклицательными знаками. Утвердили проект экваториального фазоинвертора на Марсе. Теперь завертится карусель, пойдет работа. Впору обратно в монтажники.

Замелькали схемы, макеты. Перед нами закружилось светящееся кольцо, наложенное на контурный рельеф Красной.

– Это старые песни, – заявил Виктор Тимофеевич. – И начались они тридцать четыре года назад.

Прокеш с большим интересом посмотрел на него. Я подошел к окну – точка на дороге превратилась в черточку. Если свернет на развилке, значит, сюда.

– Корабль назывался «Шубников». Первая комплексная экспедиция на Сатурн. Исследование спутников, колец и атмосферы. Обнаружили в кольцах огромный черный сфероид – автоматический зонд неземного происхождения. Естественно – приключения, риск. У них был системщиком Михайлов, один из первых мотиваторов. Редкой интуиции человек. Он и еще двое проникли в эту черную махину, разобрались в управлении и привели... как же его тогда называли? Да! «Темный»! Вывели на лунную орбиту. Через месяц умер Михайлов, остальные почти сразу же после него. Подозревали, что они наглотались какой-то отравы.

Так и не выяснили, впрочем. Тогда же и на всякий случай приостановили исследования планет-гигантов и дальше Марса решили пока не выдвигаться.

– Что-то такое я в программе по истории видел, – пробормотал Лыков, – но не помню, чем это кончилось.

– Ничем не кончилось, – сказал Миронов. – Как видишь, продолжается. А тогда ты глотал инфоры с двух концов. Хорошо помню, как ты по годам скакал, хватался за голову, потом опять подряд шел по годам.

– Было дело, – согласился Кузьма. – Я тогда от всего очумел. Мы-то просто жили, без хитростей, а тут выясняется, что времечко наше, ох, непростое было. Очумеешь от чехарды: перегиб, макияз, Конкордат, а то еще кракелюры эти...

– Кракелюры возникли после Конкордата, – возразил Миронов. – Ты путаешь глобальные и региональные проблемы. И вообще Конкордат всего лишь социально-экономическое взаимодействие многокомпонентных структур на этической основе. А после того как слегка разоружились и на пробу устранили границы, вышел конфуз. Населенные пункты, от столицы до какой-нибудь занюханной и богом забытой деревеньки, страшно заволновались и приняли ряд указов, постановлений, рескриптов и деклараций, ограничивающих, контролирующих, пресекающих и все в таком прелестном духе. Вместо границ государственных возникли сотни тысяч местных границек. Начались игры с имуществом движимым-недвижимым, миграционный кошмар и половецкие пляски в экономике. Региональный феодализм – был такой взбульк в истории. К счастью, весьма краткий. Кракелюры – мелкие, невидимые трещины на старой картине. Вот чуть по мелким трещинам все и не расползлось. Потом ввели управления, потом был контакт.

Миронов замолчал и почесал переносицу.

Историю космонавтики мы проходили давно, в шестом классе. Память у меня плохая, никак не мог запомнить, когда летели, как далеко, в каком году начинали освоение. Что-то еще рассказывали про сигналы, которые, кажется, до сих пор не декодированы.

– Шарик разобрали на маленькие кусочки, – продолжал Виктор Тимофеевич. – Совершенно случайно мотиватор Лиссарга, изучая эти самые кусочки, вывел принцип создания гипердвигателя. Построили экспериментальный корабль...

– Вспомнил! – хлопнул ладонями Прокеш. – Референдум Энесси.

– Верно, – кивнул Миронов. – Корабль пытались угнать, одним словом, он исчез.

– Да, какие-то эксцессы с фанатиками. Старая история.

– Для вас старая! – с неудовольствием возразил Миронов. – Именно в то время был разработан первый вариант проекта «Кольцо». Правда, репер-массой предлагалась Луна. Решили не размениваться на корабли, а строить большой фазоинвертор. Ну а потом Марс потребовал людей. А людей не хватало. Две пандемии вырубili широкие просеки в населении и ресурсах.

Прислушиваясь к разговору, я время от времени поглядывал на дорогу. Почему-то я решил, что это странный рыболов, встреченный утром. Поведал об этом Кузьме, тот спросил, не у моста ли сидел рыболов; получив утвердительный ответ, рассмеялся.

– Они Никифора видели? – поднял брови Миронов.

– Кого же еще! Никифор караулит Татьяну. Большая любовь! – уважительно отозвался Лыков и вздохнул.

Кузьма пересек комнату и подошел ко мне. Идущий по дороге свернул и подходил к первому дому.

– Это не Никифор, – сказал Лыков.

Теперь и я разглядел, что это не рыболов.

– Это женщина, – через минуту сказал Лыков.

– Более того, – сказал я в ответ. – Это моя жена.

Прокеш надул щеки и издал звук «пуфф».

Пока Валентина ела уху, все почему-то сидели тихо, время от времени значительно переглядываясь. Мне стало смешно. Я догадывался, от кого они узнали о моих семейных делах. Лыков был слишком весел, Прокеш выглядел немного испуганным, словно ждал скандала, а Виктор Тимофеевич мрачнел на глазах. Кто был спокоен – так это я.

Напрасно я избегал встреч, будто несколько минут связи могли поставить меня в глупое положение. В результате вот оно – глупое положение – я в роли отлавливаемого мужа.

– Сто лет не ела такой ухи, – сказала Валентина.

– Так уж и сто, – странно улыбаясь, отозвался Лыков. – Чуть подольше будет.

Валентина строго посмотрела на него, перевела взгляд на Прокеша. Прокеш мягко улыбнулся.

– Давненько вы на Земле не были, Валентина Максимовна.

– Нет времени. Если бы не конференция...

– Конференция?

– Да. Завтра в Саппоро.

– Интересно. Надо будет выбрать денек.

– Не думаю, что это вас заинтересует, – сказала Валентина. – Хотя если вы эксперт и в новых концепциях обучения, тогда приезжайте.

– Какие же они новые? – вдруг вмешался Миронов. – Мой племянник, учитель, давно увлекается тезисами Дидаскала.

– Ах, вот оно что, – протянул задумчиво Прокеш. – Слышал я про концепции новой этики. Но разве это настолько серьезно, что становится предметом обсуждения?

Валентина еле заметно дернула плечом, что означало у нее высшую степень раздражения.

– Если интересуетесь, то приезжайте, – сказала она. – Заодно и Арама прихватите. Он, я вижу, без вас никуда.

Лыков нахмурился и вышел из комнаты. Виктор Тимофеевич последовал за ним. Прокеш тоже ушел. Валентина поднялась со стула. Солнце било в окно, ее фигура темнела и расплывалась в ослепительном прямоугольнике.

– Что будем делать? – спросила она ровным голосом.

– Ты остаешься на Красной?

– Там я нужна. Почему бы тебе не вернуться?

– Может, я так и сделаю. Будет большой набор...

– Позволь, что за набор?

Я рассказал о фазоинверторе.

– Странно, – сказала она. – Почему у нас не было обсуждения?

– Решение принимал Совет Управителей. Следовательно...

– Галайда болен, – перебила Валентина. – Недавно приезжал Краузе, но он ничего не говорил об этом.

– Почему тебя это так волнует?

– Вы здесь за нас решаете, а нам не волноваться?

Взгляд ее неожиданно стал жестким, злым. Такой довелось ее видеть только раз. В первые дни нашего знакомства. Мы гуляли по Праге, она невнимательно слушала меня, потом вдруг спросила: «Вы можете в прошлое смотреть?» Я легкомысленно провозгласил что-то о всемогуществе разума, она уставилась такими вот глазами и процедила: «Выходит, там стреляют и вешают, а вы, всемогущие, нас как в кино разглядываете!»

С трудом убедил ее, что я шутил и ничего мы не разглядываем и разглядеть не можем. Она успокоилась, я же, чтобы успокоить окончательно, заявил, что скоро все проблемы будут

решены и они смогут вернуться назад. Она расвирепела и закричала: «Куда это назад! Под пули, что ли? Лучше сразу здесь кончайте!» В общем, поговорили.

Через года два она вспомнила этот разговор, посмеялась, сказала, что ничего не понимала, иногда ей казалось, что все – сон. Боялась проснуться – и снова теплушка, стук колес, тряска и прижавшиеся друг к другу тела...

– Не вернешься ты, – прервала молчание Валентина.

Я промолчал.

– Раз молчишь, значит, не вернешься, – спокойно повторила она. – Так продолжаться не может. Надо решать.

Нырять так нырять, подумал я и вдохнул побольше воздуха.

– Надо решать!

Слова сказаны.

К моему легкому разочарованию, ничего не произошло. Может, я давно свыкся с мыслью о неизбежности расставания и поэтому испытал даже небольшое облегчение. Но и досаду – Валентина ждала этих слов и заметно обрадовалась...

– Все равно тебе придется прилететь. Ненадолго. У меня здесь времени нет, а там... Сам понимаешь!

Еще бы не понимать! Процедура расставания – долгая, мучительная, тысячу раз подумаешь, прежде чем пойдешь на это, и очень разными дорогами должны были идти люди, чтобы в итоге идти в одиночку. Впрочем, если бы у нас были дети...

– Все было бы иначе, будь у нас дети, – с горечью сказала Валентина.

Что я мог ей ответить? Служба генетического контроля учитывает все, кроме эмоций. Претензии к моему предку-химику. С чем он там работал, какие мутагены виноваты – теперь уже поздно разбираться. Индекс генетического риска на семь единиц выше нормы – это приговор.

* * *

Когда Лыков с термосом в виде старинного самовара вернулся в комнату, за ним потянулись и остальные. Разговор ни о чем перешел в спор о системах обучения, и Валентина оживилась.

– Все это звучные слова, – сказала она Прокешу, – а как быть с людьми? Утром я разговаривала с сестрой Арама, так она места себе не находит из-за того, что собирались в одну школу, а попали в другую.

«Ясно, как меня нашла, – сообразил я. – Кнарик разболтала».

Валентину было не узнать. Она стала вроде выше, стройнее, но и суше. В голосе появилась сила, убежденность, но мне показалось, что она не считается с доводами собеседника.

– Какая несправедливость! – говорила она. – Не так мы себе представляли равенство. Все мои ученики обладают бо́льшими способностями, чем любой земной школьник из высших разрядов. Но марсианские школы выше четвертого разряда не индексируются! Разделять школьников на лучших и худших – что может быть омерзительнее?

– Вы меня удивляете, уважаемая Валентина Максимовна! – ответил Прокеш. – Вам известно, что одинаковая нагрузка на сильного и слабого гораздо хуже, чем разделение. Огромное количество труда, материальных и духовных затрат истратят впустую, если ребенка вовремя не сориентировали, и он оказался не на своем месте. В вашем же случае я вижу длинную цепочку стоящих друг другу в затылок неплохих людей, но скверных специалистов. Да, можно потерять в одном или десяти миллионах одного или двух мотиваторов. Но система отбора пока работает надежно – гораздо хуже обнадеежить человека несбыточными надеждами.

– Экономисты! – холодно сказала Валентина. – Нет желания возиться с детьми, искать к каждому ключ. Кстати, родители детей высших разрядов, как правило, тоже из высших.

– Вы что же, Валентина Максимовна, – прищурил один глаз Миронов, – обвиняете наше общество в социальном неравенстве?

– Куда уж мне, – скривила губы Валентина. – Но любое общество не идеально и находится в развитии. И всегда есть факторы, мешающие развитию. А с самого начала отрезать человеку какие-то пути – значит, ограничивать развитие общества.

– Кому же это отрезали? – спросил Лыков.

Валентина искоса глянула на него, еле заметно вздохнула.

– Да хоть племяннику Арама! Он не поступит на Высшие курсы.

– Не думаю! – вмешался я. – В конце концов, позанимается пару лет после школы и поступит. Четвертый разряд – это совсем неплохо. Он же не дебил из шестого разряда!

Прокеш закашлялся, замахал руками, кашель перешел в смех. Отсмеявшись, он утер слезы и сказал мне:

– От имени всех дебилов шестого разряда благодарю тебя за лестные слова. Мои лучшие годы прошли именно в школе-шестерке.

– Я не знал. Извините.

Он великодушно махнул рукой – пустяки, мол, но Валентина остро посмотрела на него и спросила:

– А ты, Арам, вообще что-нибудь о нем знаешь?

Прокеш слабо улыбнулся и обратился к Лыкову:

– Вот, Кузьма, случай фатального предубеждения. Насколько я понимаю, Валентина Максимовна считает меня представителем тех самых органов, о которых мы сегодня беседовали.

В комнате стало тихо.

– Не дури, Валентина! – резко сказал Кузьма. – Со школами даже мне все ясно, хотя это вроде ты учитель. Но не нам обсуждать и осуждать. Кашу-то они расхлебывают, что мы заварили.

– Не понимаю, – сухо и надменно заявила Валентина.

– Природа не зла, но злопамятна! Вот и дети наши попадают в разные школы, потому что генконтроль не всесилен, – сказал Миронов. – Отцы и деды шалили, а у детей...

– Дети, отвечающие за отцов? – подняла бровь Валентина. – Яблоко, недалеко падающее от яблони? Слышали. В свое время.

– Мне кажется, вы на нас сердитесь, – мягко сказал Миронов.

– Ну что вы! – рассмеялась Валентина. – Однако мне пора.

Я поднялся с места.

– Меня не надо провожать. Мы обо всем договорились?

– Договорились.

– Жду тебя, скажем, месяцев через пять-шесть. Тебе удобно?

– Вполне. Возьму месяц отдыха.

– Ну, всем всего хорошего. Нет, провожать не надо, – опять сказала она, заметив движение Кузьмы к двери.

Она шла мимо домов, потом исчезла за кустами, и вот она уже на дороге. Уходит, ни разу не оглянувшись, а у меня ни одной серьезной мысли, только вертится в голове обрывок детского стишка: «Дом, как видите, сгорел, но зато весь город цел».

– Не выпить ли нам еще чаю? – спросил Кузьма.

– Хорошо бы, – отозвался Прокеш и подсел ко мне. – Сейчас на Марсе люди будут нужны. Зря я уговорил тебя вернуться.

– Разобрались с семейными делами? – сердито спросил Миронов. – Тогда к делу, и коротко! Пусть говорит Вацлав. Что тебе от меня надо, хитрый человек? Думал, вывалишь старому Миронову ворох фактов, а он тебе все объяснит? Где же факты?

Прокеш сложил губы дудочкой и причмокнул.

– Все факты я вам изложил.

– Ты мне сказки рассказывал! Два несчастных случая. Скверно, но и не такое бывает. Пропали инфоры – ну и что?

– Мне непонятно! – сказал Прокеш. – Почему Коробов демонтировал установку? Почему изъяс инфоры? Чего он добился?

– Демонтировал, потому что ничего не получилось.

– В прошлом году он работал с генераторами виртуальных спектров и одновременно с фантоматами. Он мне показал кое-что...

Прокеш замолчал.

Миронов вопросительно посмотрел на него.

– Он не знал, как интерпретировать один эффект, и предложил мне принять участие в эксперименте. Всего несколько секунд, но того, что я увидел, мне хватило.

– Что ты увидел?

– Сына. Он умер во время Второй Пандемии, ему не было еще и девяти лет. Утром я торопился к жене в больницу, у нее было небольшое воспаление легких. Он проводил меня до выхода, я обычно пожимал ему руку, а тогда очень спешил, махнул на прощание и убежал. Вечером его увезли в больницу, но было поздно, опоздали на несколько часов. Если бы утром я обратил внимание на вздувшиеся суставы пальцев, то сейчас он был бы жив. А я спешил.

Прокеш замолчал, поморгал глазами и снова заговорил спокойно, ровным голосом:

– И вот увидел, как я ухожу, а он остается.

– Автосуггестия. Резонанс ментальных уровней, – пробормотал Виктор Тимофеевич.

– Нет. Я видел то, чего не мог видеть. Секунду или две после моего ухода он стоял в прихожей, потом упал.

Миронов потрогал усы, покачал головой.

– Не нравится мне эта история.

Снова молчание. Мне стало душно в помещении, я вышел во двор. Через минуту вышел и Кузьма.

– Слушай, у него и жена умерла?

– Да.

– Жалко мужика. Много тогда людей умерло?

– Много.

* * *

Внизу мелькали зеленые пятна лесов, время от времени огненными нитями полыхало отраженное в реках солнце. Шелест двигателей почти не слышен. Кроме нас, в кабине было несколько человек. И семья с ребенком. Ребенок – неугомонный мальчик, скакал по пустым креслам под умиленными взглядами родителей. У обзорного колпака сидел молодой человек в светлой куртке. Лицо показалось знакомым. Точно – странный рыболов. Как там его Кузьма называл? Никифор. Да, Никифор и Татьяна.

– Все-таки я поговорю с Семеном, – сказал Прокеш.

Рядом с Никифором сидела девушка. Она внимательно смотрела вниз, прижав нос к колпаку. Никифор же внимательно смотрел на ее затылок. Возможно, девушка и есть Татьяна.

– Потом я махну с тобой на Марс. Нет, пока не буду. Валентина Максимовна меня очень не любит.

Никифор медленно приближался к затылку Татьяны. На мгновение коснулся губами высокой шеи. Тут же отшатнулся и посмотрел вверх, вбок, назад, словно высматривал, кто, так сказать, посмел нанести поцелуй. Татьяна не реагировала.

– Сейчас на Марсе начнется бурление. А за старушку Землю я особенно рад! Слишком у нас тихо, спокойно. Теперь и у нас закипит! Такая цель! Арам, ты меня слышишь?

Я кивнул и повернулся к нему. Прокеш отвалился на спинку кресла и, как всегда, сложил руки на животе. Симпатичный человек. Сейчас он мне чем-то напоминал большого толстого благодушного паука, медленно, обстоятельно и со вкусом сплетающего густую паутину. Мне нравятся пауки, они такие же целеустремленные, как муравьи. Паук, плетущий сеть свою, достоин такого же уважения, как трудяга-муравей. Но над чем трудится Прокеш?

Стоило на минуту отвести взгляд, как ситуация в кабине изменилась. Никифор сидел у стекла, но Татьяны рядом не было. Я обнаружил ее рядом с родителями неугомонного ребенка. Ребенок же топтался у решетки кондиционера и пытался засунуть туда руку. Я задумался: а Татьяна ли это?

– Ночью, когда ты с Кузьмой верши ставил, у меня был с Мироновым большой разговор. Миронов отдает головы на отсечение, свою и Кузьмы в придачу, что фашистская Германия не могла иметь атомного оружия в 1943 году. Лыков тоже клянется, что ничего не слышал о взрыве и радиоактивном заражении в Клинцах. Полный мрак.

– Но есть же учебники истории, энциклопедии, справочники.

– Много чего есть. Знал бы ты, сколько всего наврано в этих справочниках! Зря я ввязался в это дело.

– Но вы же были экспертом...

– Я знаю, как стал экспертом! Спроси ты меня, чем я конкретно занимаюсь, – многое для тебя стало бы ясно. Но ты тактичен и нелюбопытен сверх меры.

– Вы писатель.

– Писатель, но какой? Во-первых, я книжник...

– Да-а? – откровенно удивился я. – А разве они еще есть?

– Сохранились, представь себе! И книги издают. Со страницами. Немного, но издают. Очень малыми тиражами для немногих любителей. Впрочем, писатели-книжники вымирают. Нас сотен пять осталось, не больше. Я работаю в редкой и почти схлопнувшейся сфере фантастики. Здесь печатное слово не выдержало конкуренции видеоформных красот и чудес объемной развертки. Да это и закономерно – легче показать, чем описать. Мой сынишка любил книги, он с трех лет читать начал. Сейчас он был бы твоих лет. В общем, мое творчество довольно известно среди любителей.

– Я не любитель.

– Знаю, поэтому не подсовываю свои труды. Ну, так вот – фантастическая ситуация потребовала фантастического эксперта. Не знаю, что там щелкнуло или булькнуло в недрах профтранспьютера, но выяснил одно точно – среди всех моих коллег один я зарегистрирован как писатель-фантаст. Остальные, от самого Поллока до бездарнейшего Хуареса, индексировались как угодно – видеоформистами-интерпретаторами, видеопластерами, реализаторами свободных форм. Не из кого было выбирать, понимаешь! Пришлось мне стать экспертом. А что из этого вышло – сам видишь! Запутался, запутал других, а смысла никакого! Словно расписываешь сюжет, а он не идет.

«Какое же мне место в вашем сюжете?» – хотел спросить я, но не стал спрашивать. Мелькнула одна простенькая до жути мысль.

– А не казалось ли вам, что это все... – Я растопырил ладони, словно пытался охватить ими резвого мальчика у кондиционера, прильнувшего к стеклу Никифора, и очутившуюся рядом Татьяну, и всех в кабине, – не кажется ли вам, что все это – фантограмма?

Прокеш слегка поднял брови, хмыкнул, потер пальцем переносицу. меланхолично ответил:

– Ты еще спроси, кто ее смотрит? Но если это и фантограмма, то до ужаса бездарная и до отвращения затянувшаяся.

У смотрового колпака притихший ребенок, раскрыв рот, смотрел, как Никифор и Татьяна осторожно целовались.

Глава пятая

Перемены я заметил сразу. Небо стало светлей, неизменные полосы воздушных потоков еще тянутся над головой, но они уже слабее, тоньше. А вечные густые сумерки превратились в затянувшееся раннее утро. Утро, правда, отдавало желтизной.

Городок сильно вырос. Ну а черные терриконы превратились в приятные глазу холмы, поросшие невысоким кустарником.

Изменилось многое, но все равно – я здесь свой. И если я пройду по нешироким коридорам секторов, то не раз и не два остановят окликом «Привет, Арам!», а Марченко вцепится мертвой хваткой и уговорит, непременно уговорит хотя бы месяц поработать с ним: людей, естественно, не хватает, на кольцо фазоинвертора народ уходит как в прорву. Земля сняла квоту на освоенцев, но все равно – пока их подготовят да пока переподготовят...

– Да, – помотал головой Кузьма. – Надо же, Марс!

Лыков жадно озирался по сторонам, переводил взгляд с корпусов на хилую траву под ногами, с белесых линий воздушных потоков в несветлом небе на обрывки упаковок, шелестящих вдоль стен, пятнистых из-за осыпавшегося эмалита.

Он нагнулся, сорвал травинку, растер в пальцах, понюхал.

– Ма-а-рс? – повторил он с большим сомнением. – А пахнет как у нас! Стоило три недели трястись!

Я улыбнулся. Это пройдет. У каждого новичка неизбежная реакция – ну где тут неизвестность и опасности, а потом, буквально через несколько минут, – разочарование – та же Земля, но в иной упаковке. Через день-два постепенно, но неотвратно придет ощущение другого места. У меня это пришло, когда я пнул по небольшому камешку, а он улетел неожиданно далеко и с треском врезался в стену склада, отбив кусок покрытия. Из шлюза тут же выскочили несколько человек с термосами в руках. Увидев мое ошарашенное лицо, они заулыбались, а через несколько минут я потягивал крепчайший чай с лимонными ягодами: к новичкам на Марсе великодушны.

– Ладно, – решил Кузьма. – Пусть будет Марс. Куда пойдем?

– Григория Викторовича надо навестить. Старик болен.

В комнате у Галайды я никого из знакомых не застал. Два монтажника рассказывали ему что-то веселое. Старик довольно хмыкал, но глядел устало и время от времени заходилась кашлем.

Монтажники наконец выложились, попрощались с Григорием Викторовичем, кивнули нам и вышли. Я подсел к нему. Кузьма остался на диване у входа.

– Это Кузьма Лыков, – сказал я Галайде.

Галайда благосклонно покивал Лыкову.

– Вам от Прокеша привет и вот еще! – Я положил рядом с ним большой пакет, обернутый в раппер глубокого тиснения.

– Спасибо, Вацлаву тоже от меня передавай. – Он зашелся слабым кашлем. – Боюсь, через неделю меня отсюда выставят. Так что Вацлава я увижу раньше тебя. Отработал я свое. Теперь врачи за меня возьмутся, долго они на меня иглу точили. Он поднял палец.

– А ты не глупи, Арам! Валентина, конечно, женщина с характером, но и тебе не мешало бы характер проявить. Рывкни разок, кулаком по столу хлопни. Сам удивишься потом...

Галайда прервал себя на полуслове, хитро посмотрел на меня, потрогал ус, другой.

– Ну, умного учить – дураков веселить! Делай как знаешь. У нас в последнее время не все хорошо. Народу много нового, люди разные. Не вовремя я свалился. Валлон в управители рвется.

Последнюю фразу он произнес тихо. Я удивился:

– Ему же тридцать один. Ну, может, тридцать два. Кто же его до сорока лет будет выдвигать на референдум?

Старый управитель вздохнул:

– Меняются времена, меняются люди. К тому же законы для людей, а не люди для законов. Да и где эти законы? Вот до Конкордата были законы! А Валлон своего добьется. Парень неплохой, хотя и честолюбец. И экологисты его – тоже, знаешь ли, компания! Зря он головы им кружит. Ты бы с ним поговорил, а еще лучше – с Валентиной, он ее уважает очень.

За моей спиной хмыкнул Лыков.

– А почему юноша у входа сидит? – спросил Галайда.

Кузьма взял стоявший у стены стул и сел рядом. Галайда взглянул на него, пожевал ус и сказал:

– Вы, кажется, были одним из троих? Лыков кивнул.

– Там еще мальчик был. У него как дела?

– Умер Коробов, – сказал я. – Несчастный случай.

Галайда вздохнул и снова закашлялся. Из соседней комнаты выглянула полная седоволосая женщина в белом халате и сердито махнула нам рукой в сторону двери. Я и Лыков поднялись.

– Что? – спросил Галайда, оглядываясь на дверь.

– Нам пора. – Я виновато развел руками.

– Ладно, – просипел старик. – На Земле заходи.

В коридоре Лыков сказал, что он немного погуляет.

– В джунгли не иди. Кролики съедят.

– Подавятся! – отмахнулся Кузьма. – Хотя пусть лучше меня на Земле медведь задерет, чем здесь ваша пушистая погань.

– Медведь? Где ты его найдешь, в зоопарке?

– Поищу, – улыбнулся Кузьма, а потом спросил: – Я не понял – экологисты – это что, экологи? Чем они занимаются?

– Как тебе сказать... Экологи тихо и спокойно занимаются экологией, а экологисты заняты тем, что будоражат общественность и всячески провоцируют ее на необдуманные поступки, тем самым мешая экологам тихо и спокойно заниматься экологией.

– Ага! Активисты-общественники, значит!

– Можно назвать и так.

В этот миг бегущий по коридору подросток чуть не влетел головой мне в живот.

– Ох, извините! – Он поднял голову и расплылся в улыбке:

– Дядя Арам? Вот здорово! Вернулись?

– О, Арчибальд Драйден собственной персоной! Рад встрече!

Узнал я его сразу. Такой же рыжий, и веснушки по всему лицу.

Но вырос как! И вид решительный.

– Как твои дела, Арчи?

– Уровень! В этом году заканчиваю. Отец хочет на Зеленую возвращаться, а я, наверное, останусь. Вы к нам зайдете? Папа будет рад. Я побегу, ребята ждут, в джунгли надо сходить, сезон ягод начался.

– Постой, – успел схватить я его за рукав, – как это вы собираетесь сходить?!

– Ногами, – ответил Арчи.

– Не спеши, – придержал я его. – Не пойму, здесь что, всех кроликов истребили?

– Ну да, этих истребишь!

– Та-ак, опять эксперименты с родительской психикой?

Он непонимающе посмотрел на меня, на Лыкова. Я спросил у Арчи, знают ли учителя и родители, куда он собирается? «Так я же старшеклассник, – ответил Арчи. – Что же они, будут за мной с платком носовым бегать?» Я начал сердиться и попросил, чтобы он провел меня к отцу или в школьный ярус. Арчи немного растерялся, потом хлопнул себя по лбу и извинился. Он забыл, что меня здесь не было несколько лет. Маленьких – да, одних в лес не пускают, но старшеклассники могут ходить, конечно, вдвоем, в одиночку не всякий решится. А если втроем, так можно еще кого-нибудь из младших классов взять, приучать постепенно. Они сегодня как раз втроем идут.

– Извини, что вмешиваюсь в ваш разговор, – сказал вдруг Кузьма. – Вам какое разрешают оружие брать? «Лейки»?

– «Лейки» – старье, – объяснил Арчи. – Сейчас «гранды» у спасателей. «Гранд» – это машина! Только кто же нам даст боевое оружие? Мы его только в инфоре и видели.

– Ну а если кролики на вас, упаси боже, нападут, – продолжал Кузьма, странно поглядывая на подростка, – вы их носовыми платками отгонять будете? Кыш-кыш?!

– Почему платками? – удивился Арчи. – А это на что?

С этими словами он вынул из оттопыренного кармана куртки металлический, тускло поблескивающий шар, усеянный шипами. Шар был на крепкой стальной цепочке, заканчивающейся браслетом.

– Э-э... – протянул Кузьма.

– Это брызгалка, – объяснил Арчи. – Когда кролик на тебя летит, надо присесть и брызгалкой по носу. Он сразу лапы вверх. Теперь они хитрые стали, от нас бегают, боятся.

– Ну а если не попадешь по носу? – спросил я.

– Так он сверху проскочит. Пока развернется, пока снова прыгнет, сто раз его достанешь. Сзади они тоже слабые. Они только на полянах прыгучие, а в чаще не полезут. Ох, мне пора!

И убежал. Кузьма цокнул языком и сказал:

– Что же ты меня пугал кроликами? На них школьники с кистенями ходят.

– С чем?

– Ну, с этими, на цепке.

– Не понимаю, – признался я. – Может, пошутил парень?

– Шуточки у вас, – недоверчиво прищурился Лыков.

До шлюзов мы шли молча. У любого старожилы упоминание о джунглях вызывало легкую, но вполне уместную дрожь в коленях. В памяти еще свежо избиение зубастых туш, когда я и Прокеш разыскивали Арчи с дружкой. Что здесь могло так быстро измениться? Может, кролики присмирели?

У шлюзовой Лыков постоял, помолчал, затем спросил, когда мы с Валентиной начнем свой обход и надо ли ему присутствовать.

– Тебе-то зачем? – удивился я.

– Ну, может, надо при свидетеле?

– А-а, – понял я, – нет, все в порядке. Я и она. Только.

– Ничего не понимаю! Вот человек умер, а никто не спешит о его смерти сообщать. А тут развод – и на тебе! Всех знакомых обойти, всем рассказать, всех выслушать. Личное ведь дело!

– Как это – личное? – возразил я. – Вот умереть – личное. А если распадается семья – ох, не личное. Приятного мало, наслушаешься всякого, и жалеть будут очень, это хуже всего. Хорошо, у нас еще здесь знакомых много, брачный сертификат быстро элиминируют. К посторонним неприятно обращаться, рассказывать, объяснять. Да еще не всякий согласие дает. Выслушает и не даст.

– Д-да, – протянул Лыков, – всем миром, значит, решаете.

Кто-то хлопнул меня по плечу со словами: «Привет, Арам!»

В желтом комбинезоне с квадратной блок-сумкой монтажника через плечо Михаил Танеев возвышался надо мной могучей громадой. После рукопожатий он спросил, надолго ли я сюда, а если надолго, то не пойду ли к нему в бригаду – людей не хватает, шлют сюда недоучившихся энтузиастов, и возись с ними!

– Вы тоже к нам? – спросил он Лыкова.

Кузьма медленно покачал головой. Он смотрел на Танеева с уважительным любопытством. В пути я успел порассказать Лыкову о моей жизни здесь, на Красной. Рассказы были посвящены в основном приключениям и происшествиям на монтаже. О Мише Танееве можно было сложить видеофильм, и не один! Как-то из-за сейсма обрушилась башня недостроенного синтезатора и погребла под обломками манипуляторы Валлона вместе с Валлоном. Танеев, не успевший после смены уйти домой, в одиночку продрался один через костоломные нагромождения эмалитовых плит. Вытащил из раздавленного манипулятора Валлона и успел выбраться с ним на поверхность за несколько минут до второго сейсма, окончательно добившего стены синтезатора. Потом заново возводили девяностометровые стены, разгребали мусор. Чуть не сорвали пуск, но все же успели к сроку.

– Как сын? – спросил я Мишу.

– Уровень! – ответил он и показал большой палец. – У Митьки математика хорошо идет, если б не жена, давно бы отправил на Зеленую на перетест. Он на третий разряд спокойно вытянет. А у вас все по-прежнему? – осторожно спросил он.

Я пожал плечами.

– Мы к вам на днях зайдём с Валентиной.

Танеев помрачнел, положил тяжелую ладонь мне на плечо.

– Значит, все-таки решили! Смотрите. Поговорим, может, еще передумаете. Андрэ хорошо бы позвать. Или сами к нему зайдете?

– При чем здесь Валлон? – удивился я.

– Ну, не знаю, – почему-то смутился Танеев. – Он выдвигает себя в управители. Толковый мужик. Впрочем, тебе виднее.

Забавное зрелище – смущенный Михаил. Насколько я помню, он смущался, только когда его сын устраивал в учебных ярусах очередную каверзу.

– Слушай, – перебил я бормотание Танеева, – я тут Арчи Драйдена видел, так он в джунгли собрался. Не с твоим случайно?

– Может, и с моим, – спокойно отозвался Танеев.

Вот так-так! Времена быстро меняются.

– А что, кроликов укротили?

– Кролики – ерунда! – махнул рукой Танеев. – Это мы от них бегали, а сейчас они от ребятни спасаются. Как ввели в школе естественное воспитание, так никто теперь и не дрожит над ними.

– Естественное воспитание? – спросил Лыков.

– Так называют. Ну, мне пора! А вы куда? Если не заняты, приходите к нам на площадку, сорок девятый квадрат.

Танеев скрылся в шлюзовой.

Из коридора в зал пошли один за другим монтажники: менялась смена. Стало тесно. Мы с Лыковым отошли в сторону.

– Ну что же, пошли на площадку? – спросил Лыков. – Покажешь, где тут сорок девятый квадрат. От кроликов защитишь. У меня, понимаешь, нет, хм, естественного воспитания.

– У меня, знаешь, с ним тоже... – Я пошевелил пальцами, а потом сообразил, что повторил жест Прокеша.

Мы пристроились к колонне грузовых колесников, идущих на сорок девятый. Водитель головной машины выехал на просеку, скоординировал ведомые и развернулся в кресле к нам, время от времени поглядывая на трассу. Приняв меня за свежего освоенца, со вкусом стал навешивать дежурные истории. Я слушал его с большим интересом – репертуар значительно обновился. Историю о Сумасшедшем Женихе я, к примеру, в этом варианте не слышал, а про Трех Освоенцев вообще узнал впервые. Кузьма минут десять воспринимал эту жуть всерьез и охал, потом уставился на водителя, крикнул и отвернулся к окну разглядывать джунгли.

Там было на что смотреть. Все оттенки зеленого, голубого и желтого, фантастическое переплетение воздушных корней, гибкие, усеянные мелкими листьями ветви, похожие на лианы; толстые, все в трещинах лианы, похожие на стволы, и ни на что не похожие стволы – нагромождение арок, колонн и торчащих во все стороны метровых вздувшихся наростов, покрытых голубым мхом.

– Ты смотри! – вдруг воскликнул Лыков.

Водитель мгновенно развернулся и кинул ладонь на сенсоры. Через две-три секунды перевел дыхание, сердито сказал Кузьме: «Напугал!» – и снова повернулся ко мне.

Я чуть приподнялся. Впереди, метрах в двухстах, по обочине шли навстречу три подростка. Поравнявшись с медленно ползущей тяжелогруженной машиной, они помахали нам.

Лыков ухватился за поручень, встал, открыл верхний люк, высунул голову и некоторое время смотрел назад. Потом шумно сел на место, хлопнул себя по коленям.

– Они в лес свернули!

– Ну, значит, решили полянами напрямик, – отозвался водитель. – Полянами, говорят, километров на десять ближе.

– И не страшно одних в лес отпускать? – спросил Лыков.

– Не знаю, у меня нет детей. У сменщика дочь, так они ничего, вроде не боятся. Да что им будет, здоровые, крепкие...

Кузьма задумался, а потом сказал, что он вообще мало видел детей. Здесь еще куда ни шло, а на Земле в каком-нибудь городе за день, бывало, ни одного ребенка не увидишь.

– Чего на них смотреть? – удивился водитель. – Они раскассированы по яслям-садам-школам-вузам и копошатся там потихоньку. А мы живем сами по себе, и вдруг рядом возникают невесты откуда прыщавые юнцы и юницы и вещают что-то несусветное.

– А вы что? – поинтересовался я.

– Что я! Гадаю – откуда они взялись? Забыл, что сам вламывался в мир, пугая окружающих своей глупостью и прыщами.

– Дались вам эти прыщи! – сказал Кузьма. – Где вы их видели? Вон, какие все гладкие.

– Это в переносном смысле, – пояснил водитель.

На строительной площадке машины ушли к складам, а мы соскочили у горы пустых капсул с блицклеем.

– Да-а... – протянул Лыков.

Действительно, впечатляло. До конца монтажа еще далеко, но трехсотметровая полусферическая конструкция, местами уже с восьмигранными пластинами, утыканными короткими трубками, перекрывала почти все поле зрения. Манипуляторы отсюда казались еле заметными черточками, вспыхивали зеленые огоньки резаков, тяжелые платформы кругами ходили над стойкой, время от времени на невидимых тросах повисали разлапистые крепежи. Красиво!

Я поймал себя на мысли, что всерьез думаю, как бы оформить переезд, и вздохнул. Начинать в очередной раз новую жизнь на старом пепелище! Что же у меня все так неладно идет? И работа хорошая, и с людьми хорошими встречаюсь, даже вот мотиватор знакомый есть, а семья не получилась. Были бы дети! Но бездетные семьи живут, и ничего живут.

Однажды Прокеш мне сказал, что я отравлен Происшествием. Теперь буду всю жизнь ждать продолжения, и пресным будет казаться все.

«А вы чего ждете?» – помню, спросил я тогда. Как ни странно, он отмолчался. Удивил меня: обычно спрашивал он и отвечал себе же. Я иногда поддакивал, но редко влезал в разговор. Потом я задумался над его словами. Отравлен? Во мне не было напряженного ожидания необычайных и занимательных событий, но после долгого размышления я все-таки понял, что тогда, несколько суматошных дней после Происшествия, я действительно жил в напряженном ожидании событий. И когда все тихо рассосалось, разочарование, загнанное глубоко и надежно, время от времени всплывало. В эти минуты мир если и не тускнел, то, по крайней мере, не веселил.

Позже я понял, что еще глубже во мне таилась обида – будучи непосредственным участником Происшествия, я сам ничего не видел и только потом, по мозаике голографии и рассказов, восстановил более или менее, что с кем происходило. С ними, но не со мной.

Тогда я валялся без сознания, а теперь уже вряд ли со мной что-то произойдет необычное, хотя я честно старался влезать во все авантюры, в которые втягивал Прокеш. Если можно назвать авантюрами его кружение по городам и людям, сбор по крохам противоречивой информации, запутывание себя и других в паутине неясных опасений. «Хронофобия», – однажды сказал ему Миронов, и Прокеш немедленно влез в терминологический спор.

Я вздрогнул от громкого крика:

– Ты что же это наделал, трава ты этакая! – безобразно перекосив рот, размахивал кулаками монтажник.

С покосившейся ручной платформы на песок скатились длинные шарнирные болты. Ползая по песку на коленях, молодой парень в полосатом комбинезоне вспомогательных работ собирал их и складывал на мягкое, поцарапанное дно платформы.

– Ты мне каждый шарнир переберешь! – надрывался монтажник. – Каждую песчинку вылижешь! Своим длинным болтливый языком!

Некрасивое и неприятное зрелище! Лыков двинулся было к ним, но я придержал его за руку и подошел сам.

– Помощь не требуется? – спросил я вежливо.

– Помощнички! – с отвращением произнес монтажник.

Странно. По-моему, он на самом деле был неконтактен, а не шутил! Болен? Тогда почему второй не вызывает дежурного врача? Так разволноваться из-за ерунды! Неприятно, если в болты попал песок, но из-за этого, м-м... оскорблять?

Коммутатор на поясе у монтажника сказал голосом Танеева:

– Где там болты, Гастон?

Монтажник сорвал комм с пояса и обрушил в него поток обвинений и угроз в адрес всякой зелени, которую ему дают в напарники. Из-за всяких косоруких теперь надо перебирать шарниры, и будь его воля, он бы всякую там зелень сопливую и близко к монтажной не подпускал. Мало своих проблем, а тут еще строй им эти идиотские, никому не нужные колпаки.

О колпаках он распространялся долго, наконец я понял, что имеются в виду станции фазоинвертора. Я ожидал, что Танеев мягко, но твердо осадит не в меру разгорячившегося монтажника, но Миша буркнул что-то вроде: «Скорее давайте» – и отключился.

Монтажник засопел, рыкнул на молодого парня и, вместо того чтобы помочь ему, пошел к складским помещениям.

– Что с ним? – спросил я парня.

Он ничего не ответил, только коротко глянул на меня и пожал плечами. В глазах его были слезы. Только этого не хватало! В следующий миг я узнал его – это был рыболов Никифор.

* * *

Валентина пришла после занятий. Она выдвинула стол и несколько минут молча сидела за ним, положив руки на столешницу.

Лыков посмотрел на нее, потом на меня, не выдержал и фыркнул, а когда Валентина строго подняла палец, он расхохотался.

– С пальцем у тебя хорошо получилось, – сквозь смех выдавил он. – У меня в отряде случай был. Приставал к поварихе, а она палец подняла, вроде как ты, подержала, да как пальцем по носу с размаху! Я даже взвыл от обиды!

Улыбка медленно сползла с его лица.

– Она погибла? – спросил я.

– Не знаю. При мне – нет, – сухо ответил Кузьма, повернулся к Валентине и спросил – Слушай, почему тебя все Валентиной зовут, даже за глаза? Нет, чтобы Вале́й или Вале́йкой!

Она немного растерялась, но тут же постучала пальцем по столу и прочла Кузьме небольшую лекцию о том, как люди воспитанные и вежливые должны именовать друг друга, какое обращение уместно и в какой обстановке.

Лыков вспыхнул и заявил, что она тут одичала.

– Порядочки тут у вас, понимаешь, располагают к этому. Детей одних в лес не боитесь отпускать!

Валентина снисходительно улыбнулась.

– Наши дети – это не ваши изнеженные баловни. У нас хоть и дикая, но все-таки природа, а не стриженные газоны на Земле. Здесь дерево – это дерево, воздух – воздух, а облака...

– Деревянные, – вставил я, улыбнувшись.

– Что? – растерялась она.

– Так, сон вспомнил, – засмеялся я и рассказал ей давний сон.

Она вдруг обрадовалась:

– Прекрасный символ! У нас облака настоящие, а у вас – деревянные. Земную природу изуродовали, теперь за нашу взялись.

– Слышу знакомый голос Валлона!

Валентина порозовела, отвела взор, но продолжала:

– Пусть наша природа создана людьми, но она настоящая. И ничего в ней страшного нет. Мои ученики за себя постоять умеют. Нам не все равно, кем они вырастут, в них произрастает наше будущее, а свое будущее мы будем растить сами!

– Красиво говоришь, – прищурил глаза Лыков. – А что на стройке у вас люди плачут – это тоже будущее?

– Не понимаю, – пожала плечами Валентина.

Кузьма рассказал ей про инцидент на монтажной площадке.

– Ну и что? – спокойно ответила она. – Монтажник, конечно, был не прав, но и зе... то есть подсобник, тоже виноват. Прежде чем прилетать сюда на расширенный сертификат, надо овладеть специальностью. Здесь не зона отдыха. То, что мы недоделаем сейчас, аукнется через годы или десятилетия. Это на Зеленой можно благодушествовать, людей и ресурсов хватает, чтобы исправить любую недоделку, а мы закладываем будущее планеты, и мы должны быть единым целым, одним организмом. Любое инородное тело, увы, отторгается. Каждый вновь прибывший сразу же становится своим или чужим, у нас нет времени возиться со взрослыми людьми, мы...

– Кто это – «мы»? – резко перебил Лыков. – И кто – «вы»? Земляне, значит, не люди, а вы – пуп Вселенной?

– Может быть, наоборот, – спросила Валентина. – Вы, земляне, – пуп, а мы здесь так себе, второсортные?

– Бред какой-то, – растерялся Кузьма и посмотрел на меня.

– Я сама объясню, – терпеливо сказала Валентина. – Если вы нас считаете равными себе, то почему сюда шлете либо зелень косорукую, извини за слово, либо наставников? Да и раньше сколько сказок нарасказали про освоенцев! Мы с тобой, Арам, думали, что посылают лучших из лучших: ах, отбор, ах, конкурс! Лучших сюда не пускают, лучшие нужны Земле, а здесь сойдет и так. А чтобы не было обидно – конкурсы, отбор и все такое прочее! Освоенцы – не высший сорт с земной точки зрения. Но лучший способ набрать людей – это устроить конкурс, честолюбцев во все времена хватало. Вспомни, мы с тобой далеко не во всем подходили по критериям отбора, но тем не менее попали в освоенцы.

– Ну и что? – спросил Лыков.

– Мало? Хорошо. Вопрос о строительстве инвертора решался без нас. Конечно, что такое триста тысяч по сравнению с шестью миллиардами, но строить-то приходится нам, и нашими руками вы будете осуществлять блестящий прорыв в Большой Космос. Нас обвиняете в зазнайстве, а дети наши, – ее голос зазвенел, – а дети наши, невзирая на способности, выше четвертого разряда не классифицируются. Это справедливо?

– Ты, Валентина, говоришь красиво и умно, – вмешался я, но что касается образования, то извини! Оснащение марсианских школ и отработка учебных программ...

– Эти песни я уже слышала в Саппоро! – гневно оборвала она. – Кто виноват, что у нас не самое новое оборудование? Почему мы не имеем права разрабатывать фундаментальные программы?

– Кто их будет разрабатывать? Учителей на Марсе не больше трехсот, ты же сама жаловалась, что нет времени на науку.

Валентина что-то возразила, ей ответил Лыков, а я потерял нить разговора. Иногда, в редкие минуты раздражения, нападает что-то вроде глухоты: слышишь, но не понимаешь смысла – шум голосов, и все.

Наконец Кузьма и Валентина замолчали. Лыков взял со стола литку, согнул, разогнул, сломал и аккуратно положил две половинки на стол. Валентина смотрела на него с иронией.

«Надо сворачивать разговор, – подумал я, – время идет, прошло уже два дня».

– Как твой доклад в Саппоро?

Она вдруг подскочила ко мне и, тыча пальцем мне в грудь, закричала неприятным дребезжащим голосом:

– Сочувствуешь? Соболезнуешь? Издеваешься?!

Я попятился и, наткнувшись на кресло, сел в него. Лыков, склонив голову, сел рядом.

Она уткнула лицо в ладони и отвернулась к стене.

– Если у тебя неприятности, – веско сказал Кузьма, – то не устраивай истерик, объясни спокойно и членораздельно.

– Неприятности? – прошипела она. – Неприятности!

Я даже вздрогнул от ее свистящего шепота. Это было неожиданно – увидеть ее такой.

– Мало того, что вы вмешиваетесь в наши дела и навязываете нам свои проекты, вы мешаете нам работать! Мы работаем, а вы насылаете комиссии! То, чего мы с большим трудом добились в последнее время, вы объявляете вредным и ненужным!

– Что «вредным» и что «ненужным»? – спросил Лыков.

Все-таки недаром Валентина была учителем, и учителем хорошим. Буквально за секунду она заметным усилием воли погасила свою вспышку и, приветливо улыбнувшись, извинилась за срыв. Нервы, усталость и все такое... И вообще нам пора! По коридору мы шли молча, но рядом.

– К Танеевым? – спросила она.

– Миша на монтаже. Может, к Хургину?

– Хургины перебрались на Литий-Юг. Валлон сейчас дома.

– А что – Валлон? В последнее время я только и слышу – Валлон, Валлон! Голоса нарабатывает? Галайда еще не ушел. Пусть Валлон лучше кроликов защищает от твоих учеников. Так скоро всех кроликов перебьют, брызгалками. Или это входит в задачи естественного воспитания?

– Во-первых, не всех, – ответила Валентина, – во-вторых, это самозащита, а не истребление. Валлон, если хочешь знать, один из разработчиков программы естественного воспитания.

– Даже так! Я помню, он был отличным водителем манипуляторов. Теперь решил сменить специальность?

Она не ответила. Мы шли по пустынному ярусу. До пересмены еще много времени. За нами послышались быстрые, тающие в мягком линолите шаги. Я обернулся. Нас догонял Лыков.

– Слушай, – сказал он озабоченно, – ты вышел, а тебя сразу же запросили с этой, ну, почты, одним словом. Просили связаться, тебе с Земли какая-то информация.

– Спасибо! – Я огляделся и заметил впереди метрах в десяти терминал для личных сообщений. Сообщение было очень коротким, но до меня не сразу дошел его смысл.

– Опять твой Прокеш? – желчно спросила Валентина, потом взглянула на мое лицо и спросила тихо: «Кто? Бабушка?»

– Отец, – ответил я, покачнулся и, кажется, завыл.

* * *

Мать сидела за длинным семейным столом и говорила о том, что ее постоянное отсутствие, работа в такой дали, не могли не сказаться на здоровье отца, а в последние годы у него пошаливало сердце. Лучше бы ей перевестись поближе, но тогда срывалась многолетняя научная программа.

– Он боялся, что ты останешься там, не вернешься, но я знала, чувствовала! Все плохо, да? Лучше бы вы оставались здесь, работы хватает, и ей легче. Я понимаю, хочется жить самостоятельно, вот и мы жили, – неделями иногда не виделись, а теперь его нет, а я не помню цвета его глаз!

Недавно, перед самым отъездом на Красную, отец подарил мне шкатулку. Он был очень доволен своей работой, мне даже показалось, что он немного удивлен – по-моему, это была первая, кажется, его самоделка, доведенная до конца. Плоская деревянная шкатулка с нехитрой резьбой завитками.

Мать не плакала. Мерно, сухо рассказывала, вспоминала. О том, как отец беспокоился о внуках, о том, как он долго и заботливо ухаживал за ней после родов, когда мой брат-близнец родился мертвым... Я впервые услышал о брате, но тогда даже не удивился. Хотя мелькнула мысль – может, там родился мертвым я. Где там – я не знал.

Слова падали тяжело, давили, отзывались головной болью. Шкаф, огромный, расплзшийся по всей стене, надоедливо заполнял поле зрения. На его фоне маленькая фигура матери казалась еще меньше, таяла, исчезала... Очень болела голова! Три недели полета я находился в лихорадочном состоянии, не сводил глаз с часов, как будто я мог успеть. При этом меня ни на секунду не покидала мысль, что все это недоразумение и, очутившись дома, я застану всех. Всех. Всех...

Одна из створок прадедовского шкафа была слегка приоткрыта. Темная полоса тянулась от потолка до нижних секций. Я резко поднялся с места, мать замолчала на полуслове. Захлопнув створку, я вернулся, сел. Провел ладонью по гладкой, потемневшей поверхности

стола, не глядя, нашел выбоину, расковырянную давно гвоздем. Я хотел проверить, настоящее ли это дерево. Дерево оказалось настоящим, но попало от отца. Он повел меня в мастерскую, разложил рубанки, стамески, какие-то незнакомые еще инструменты и предложил смастерить хотя бы подставку для ног бабушке. Я взял рубанок, повертел в руках и заплакал.

Вдруг я почувствовал, как на глаза накатываются слезы: только сейчас меня пронзила мысль, что я окончу свои дни сыном своего отца, но не отцом своего сына. Впервые усомнился я в необходимости генконтроля, впервые мне остро захотелось, чтобы у меня был сорванец, за которым нужно присматривать и воспитывать. Как, наверно, должна была страдать Валентина!

Вечером к нам спустилась бабушка. Она с трудом переставляла ноги, но держалась молодцом. Со мной почти не разговаривала. Да и не только со мной, когда к ней подошел Саркис и что-то негромко спросил, она только пожала плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.